

ВЫПУСК

11

Шифр

приключения фантастика

Библиотечка «Уральского следопыта»

В ПЛЕНУ ★★★ ПАЛАНГЕЙ

Евгений
Наумов

Художник С. Григорьев

СТРАННОСТИ начались на корабле, когда до Орона, одиннадцатой планеты в системе желтой звезды Лакрус, оставалось две недели пути. Но загадочней всего было то, что, когда прошли эти две недели, корабль резко изменил курс и вместо того, чтобы лечь на орбиту Орона, сбросил на эту планету плазменную бомбу и взял направление на Палангею.

Ни командира корабля Илью Финея, ни научного руководителя экспедиции доктора Каминского, ни остальных членов экипажа неожиданность маневра ничуть не удивила и не насторожила. Да и понятно, ведь все было произведено по распоряжению командира и воспринималось экипажем как заранее намеченное и запланированное. Но Эрнст Поспелов знал, что это не так.

Собственно, Эрнстом он стал тогда, когда на корабле только начинались эти пресловутые странности — две недели назад. Прежде он был просто Эриком, общепризнанным чудачком и неутомимым острословом. Стояло ему открыть рот, как все ждали чего-нибудь комического, так что он давно смирился с взятой на себя ролью, честно и старательно исполнял ее, чтобы не разочаровать товарищей. Даже на защите кандидатской диссертации седовласые профессора, оппоненты и члены комиссии почему-то решили вдруг, что необходимо поспорить с Эриком в остроумии и лишь после этого позволить ему стать кандидатом биологических наук.

РИС. И. КОЖЕВНИКОВА

★★★ В НОМЕРЕ КОМИКС:

ЧЕЛОВЕК-ПАУК

КРОМЕ того, в глазах окружающих Эрика отличала еще одна особенность, тоже комичная, если принимать в расчет ее отчетливую, какую-то нарочитую выразительность и согласовать с характером нашего героя — подвижным, увлекающимся. Эрик усиленно занимался упражнениями по системе Кварков, жителей одной из недавно открытых планет с весьма суровыми для землян природными условиями. Кварки считали, что именно эта система помогла их народу выйти из состояния дикости, найти разумный компромисс с природой. Система Кварков отчасти напоминала систему индийских йогов. Суть ее состояла в том, чтобы повысить приспособляемость организма к условиям неблагоприятной среды и вооружить психику индивидуума защитными реакциями. Это увлечение Эрика воспринималось как очередное забавное чудачество и служило предметом непрекращающихся шуток. Но наедине с собой Эрик с оптимизмом отмечал, что его занятия приносят плоды. Кто другой на корабле мог, например, при оглушительном вое сирены заниматься своими делами и ничего не слышать, словно царит мертвая тишина! А он, Эрик, добивался подобного эффекта почти без усилия, при помощи несложного психофизического упражнения. И вообще, яркий свет, шум, вибрация, сверхнагрузки, жара, холод на него действовали, как он считал, в меньшей степени, чем на его коллег.

Своими знаниями по системе Кварков Эрик гордился, но в тот злословный день, за две недели до Орона, именно система Кварков послужила тому, что Эрик оказался в странном и двусмысленном положении. Все началось с того, что доктор Каминский собрал членов экспедиции в лаборатории и сделал ошеломляющее сообщение. Он сказал, что Орон представляет страшную угрозу для всех населенных планет, связанных Транскосмической линией, и в первую очередь для Земли и ее колоний, так как планета заражена смертоносным вирусом. На экспедицию возложена ответственная задача — ликвидировать очаг заразы.

Первую ошибку сделал Эрик, когда, решив, что всеми уважаемый доктор хочет развеять скуку и однообразие полета забавной мистификацией, взял и хихикнул, чем проявил полную несерьезность своего характера. Его смехом прозвучав в напряженной тишине столь резким диссонансом, что двадцать пар глаз с возмущением обратились к нему. Эта дружная реакция на несколько минут лишила Эрика дара речи, и доктор имел возможность развить свою мысль. Он сказал, что на планету Орон следует бросить бомбу. Эрик вдруг с ужасом понял, что мистификацией здесь не пахнет. И сделал вторую ошибку.

— Нет, это вы серьезной! — проговорил он, вскочив со своего места. — Вы и в самом деле хотите бросить бомбу!

— Не в пример вам, — сухо сказал доктор Каминский, — в таком вопросе, — он сделал ударение на слове «такое», — мы не намерены шутить.

— Но это совершенно невозможно, — запротестовал Эрик, прочитав во взгляде доктора непреклонную решимость. — Совершенно невозможно.

— Почему же это невозможно! — презрительно усмехнувшись, как показалось Эрику, спросил руководитель группы биологов доктор Кларк Мухин. — Как раз очень даже возможно.

— Но хотя бы потому, что планета обитаема, — заявил Эрик и тотчас почувствовал беспомощность своего довода.

По рядам пронесся легкий смехок и тут же потух. Это была последняя дань Эрику, оригиналу и остро слову.

— Как же это она обитаема! — проговорил доктор Мухин, нахмурясь.

— Но ведь еще не доказано, что эти... как их... ну, Планта сапиенс просто растения. Возможно, это мыслящие существа. Командир корабля Илья Финей не выдержал и стукнул кулаком по столу. Это был очень выдержанный и корректный человек, как и положено всем командирам, и то, что его провало, говорило о многом.

— Прекратите, Поспелов! Сейчас же прекратите ваши фокусы! Илья... — Финей сделал паузу. — Да, я всегда знал, что ваша система до добра не доведет. Ваше увлечение чепухой перешло все границы. Я не могу поручиться сейчас за ваше психическое здоровье. Да, не могу.

— Но послушайте же меня, — жалобно проговорил Эрик,

— Если мы сбросим бомбу, то погубим цель нашей экспедиции. Изучение Планта сапиенс сделается невозможным. Бомба может попасть в арсенал распространения цветка и погубить этот феномен...

Он не закончил свою мысль, помешал доктор Каминский, видимо, пришло время и ему поддаться чувству гнева. И не столько слова, сколько сам факт, что доктор кричит и негодует, заставил Эрика серьезно задуматься о происходящем.

— Как вы смеете брать на себя право, — возмутился доктор, — интерпретировать цели экспедиции, которую возглавляю я! Кто вы такой, чтобы учить нас!

Ситуация складывалась невероятная. Эрик чувствовал, как в его сознание закрадывается неодолимое сомнение в нормальности окружающих. Но подозрение это было столь чудовищным, что он всячески отгонял его. Пожалуй, он скорее готов был признать правоту своих обвинителей, этих уважаемых ученых, которых он всегда ценил как за их чисто человеческие качества, так и за научную компетентность. Ведь он считал себя учеником Мухина и Каминского, не смел даже и мечтать о тех фундаментальных трудах, созданных ими и ставшими для него образцом научного исследования. Но что тогда случилось с доктором Каминским! Что произошло с Мухиным! И почему другие члены экспедиции столь враждебно настроены! Произошло, вероятно, что-то очень важное, и он, Эрик, не в курсе дела, иначе никак нельзя было объяснить всех тех грубых упреков и обвинений, обрушившихся на него. А может быть, случилось что-то как раз с ним, Эриком!

И словно в подтверждение своих тревожных мыслей он услышал заключительные слова командира корабля:

— Мы со всей серьезностью рассмотрим позицию Эрнста Андреевича и соберемся еще раз для принятия окончательного решения. Понятно, что столь радикальная мера, как бомбардировка планеты, должна вызвать сомнения в правильности принятого решения. И хорошо, что эти сомнения были высказаны во всеулышание. И все же... Во избежание недоразумений необходимо, чтобы Лидочка побеседовала с Эрнстом Андреевичем. Что ни говорите, но мы в космосе, а это накладывает на нас и на меня в первую очередь как командира корабля определенные обязательства. Чтобы быть уверенным, что возражения Поспелова, так сказать, плод здравого размышления, мы должны знать заключение врача-психиатра.

В словах командира так причудливо смешались осторожная тактичность и назойливая бестактность, что Эрик не знал, что и думать. Ведь если его считают сумасшедшим и хотят отдать в руки Лидочки, можно было объявить об этом и в его отсутствие, даже нужно было, если они уверены, что он ненормальный! Кто же доказывает душевнобольному, что он болен! Что ж, Лидочка так Лидочка!

Когда все начали расходиться, Эрик сам подошел к Лидочке.

— Нет, потом, потом, Эрнст Андреевич! — несколько смущенно проговорила она, но все же достаточно твердо, чтобы дать почувствовать, что как врач-психиатр сама поговорит с ним, когда сочтет нужным.

Подобное обращение обидело Эрика, от кого другого, но от Лидочки он не ждал холодной официальности. Дело в том, что их с Лидочкой связывали весьма деликатные отношения. Он беспрестанно влюблялся в нее, хотя знал, что не должен этого делать, и всячески стремился преодолеть чувство при помощи своей системы. Однако, как он убедился теперь, в области сердечных дел система малоэффективна. Надо сказать, Лидочка была женой его непосредственного начальника, доктора биологии Кларка Мухина. У них было двое детей, и любовь Эрика относилась к числу тех случаев, которые обыкновенно считаются безнадежными. Он прекрасно это понимал, силился побороть свое увлечение, но ничего не мог с собой поделать.

Лидочка, со свойственной всем женщинам проицательностью в такого рода делах, скоро разгадала причину странной бледности и застенчивости Эрика, когда они оставались наедине, но ничуть не возмущалась, а, напротив, была даже несколько польщена, что явилась предметом романтических вздохов. И теперь она не на шутку встревожилась за Эрика. Трудно представить, что именно Эрик, неунывающий весельчак и забавный чудак, безнадежно влюбленный в нее, станет первым ее пациентом. И случилось это всего за двухмесячное и относительно спокойное пребывание в космосе! Вроде бы совсем недавно стартовали с космической станции Лакурс все

бодрые и здоровые, а тут на тебе: ни с того ни с чего человек лишился рассудка!

Хотя, возможно, странности в поведении Эрика объясняются простым переутомлением или злоупотреблением системой Кварков, еще не изученной специалистами. Системой, вредной для землян.

НЕСМОТЯ на то, что между Эриком и его коллегами встала глухая стена, он не терял надежды, что ему в конце концов не составит никакого труда доказать, что замечания доктора Каминского о планете Орон, как об очаге смертоносной инфекции, абсурдны! Достаточно поднять документацию, взять данные о планете и ее обитателях. Эрик твердо знал, что основная цель экспедиции заключалась в разыскании и изучении необыкновенного растения, условно названного Планта сапиенс. Это растение было открыто на планете Орон совершенно случайно, неспециалистами. Предполагалось, что это мыслящее существо. В лабораторию Каминского оно попало в ужасном состоянии, люди, доставившие его, не вполне осознали, что имеют дело, быть может, с собратом по разуму, и не сумели сохранить его живым. По внешнему виду — скромный цветок, похаживший на полевую ромашку, хотя лепестки его не белые, а ярко-желтые. У цветка были крохотные зеленые листочки и массивные белые корешки. Как утверждали космонавты, разыскивавшие цветок, на своих ногах-корешках он мог великолепно передвигаться и даже танцевать, выделявая причудливые и грациозные фигуры. Можно было предположить, что за этим скрывается своеобразный язык общения, и цветок хотел завязать контакт с людьми, которые, однако, не разобрались в нем и оставили без внимания все ухищрения мыслящего растения. К тому же впоследствии лабораторные анализы показали, что цветок обладал развитым мозгом и сложной нервной системой. Но о степени разумности можно было судить лишь при более тесном знакомстве с ним, для чего, собственно, доктор Каминский и организовал экспедицию. И вот теперь он сам же говорит о бомбардировке планеты!

С Лидочкой Эрику удалось поговорить лишь через неделю. Все эти дни он почти не выходил из каюты, тем более, что его попытки обдумать создавшееся положение с кем-нибудь из старых приятелей ни к чему не привели. Всякий раз он убеждался, что к нему относятся с сожалением, подталкивают по каждому поводу и спешат поскорее уйти. Эрик ловил себя на мысли, что он ощущает влияние посторонней, инородной силы на психику товарищей. И что сам лишь чудом избежал этого воздействия. Быть может, благодаря системе Кварков.

Сознание, что болен не он, а экипаж корабля, хотя болезнь эта была особого рода и не имела ничего общего с помешательством, несколько успокоила его. Он уже не горячился и не сбился на друзей, а с бесстрастной расчетливостью пытался проанализировать каждый новый факт, каждое событие, каждое высказывание, в какой-либо степени свидетельствующее о постороннем вмешательстве в надежде распутать таинственный клубок и отыскать причину болезни. Поэтому, беседуя с Лидочкой, он и не пытался уверить ее, что здоров, и не высказывал никаких претензий и обид. Он хотел через нее повлиять на командира корабля и на доктора Каминского, так как знал, что им будет известно содержание разговора. Как Лидочку, так и обоих своих начальников он решил навести на очевидное противоречие между первоначальной целью экспедиции и нелепым решением сбросить бомбу на Орон.

— Ведь вы должны помнить, Лидочка, — говорил он ей как бы между прочим, когда она закончила задавать ему обычные для врача-психиатра и всегда кажущиеся глупыми для нормального человека вопросы, — что доктор Каминский незадолго перед полетом напечатал статью о Планта сапиенс?

— Ну и что же! — спросила она настороженно, словно боясь подвоха.

— Так вы помните! — не унимался он.

— Да, но что из этого следует!

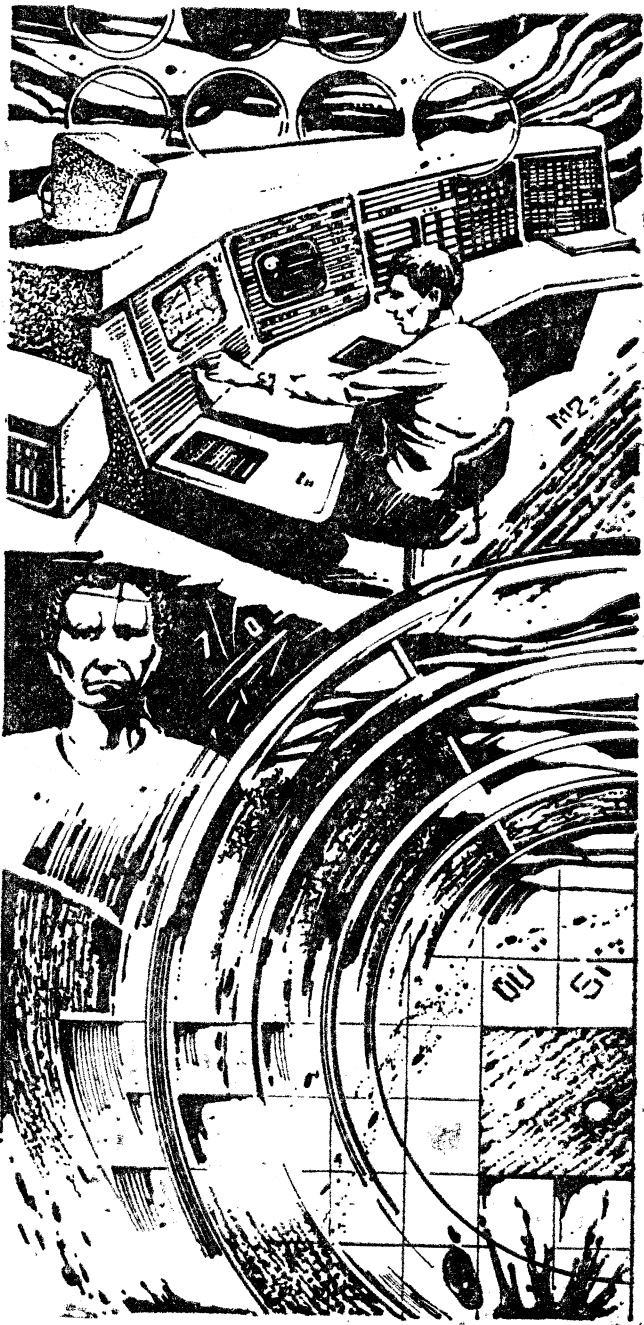
— Ничего. Но ведь Планта сапиенс растет на Ороне. И я всегда был уверен, что мы летим изучать это растение.

— Многие так думали, и я в том числе.

Эрик внутренне собрался, предчувствуя, что Лидочка, возможно, откроет сейчас нечто очень важное и ему до сих пор неизвестное.

— А теперь разве не так!

— Ах, вот вы о чем! Ну так я вам объясню! Странно, по-

чему, вы ничего не знаете! А впрочем, вы так глупо повели себя на собрании, что пришлось провести его без вас. Ах! — словно спохватилась она. — Я наговорила вам лишнего. Вы меня совсем сбили с толку. Ну ничего, может, и к лучшему. Я вам растолкую суть дела. По известным причинам на Земле нельзя было объявлять о целях нашей экспедиции. Как раз изучение в лаборатории Планта сапиенс показало, что это растение является разносчиком смертоносного вируса. Не имело смысла поднимать панику, и поэтому многим ничего не было известно...

— Ах, вот оно что! — перебил ее Эрик, вздохнув с облегчением. — Но почему же тогда на собрании мне прямо не сказали об этом! Ведь все так просто!

Она взглянула на него с подозрением, как будто оценивала, насколько искренни его слова.

— Так, значит, вам уже не жаль этих мыслящих растений!

— Жаль, конечно, но если дело обстоит так, как вы говорите, тогда нет иного выхода.

— Я рада, что вы наконец уяснили вопрос, — многозначительно сказала Лидочка.

— Да, да, вполне уяснил. Но, понимаете, я ведь читал отчет доктора об исследовании Плана сапиенс. Там нет ни слова о вирусах.

— Ах, а я было подумала! Вы опять за свое! — раздраженно проговорила Лидочка, но тут же смягчила тон. — Неужели вы не понимаете, что доктор не хотел поднимать паники и поэтому не писал о вирусах! Почему вам не дает покоя это дурацкое растение!

Эрик растерялся. Все, сказанное Лидочкой, было логично и даже в некоторой степени обоснованно, но никогда в практике института, где работали Каминский и он, Эрик, ничего подобного не было. О какой панике может идти речь, если лаборатории института призваны заниматься проблемами инопланетной вирусной инфекции! Нет, это абсурд! И самое главное, если на Ороне существовала опасность, то ликвидировать ее поручили бы военным, а не ученым-теоретикам! Нет, нет, и Лидочка, и все остальные в плену какой-то навязчивой идеи!

— Лидочка! — пропустив мимо ушей ее увещевания, горячо произнес он, пытаясь взять ее за руки, но она инстинктивно отшатнулась от него. — У меня тяжелое предчувствие, что мы непременно попадем в беду. Я не знаю, как и почему, у меня нет никаких доказательств, но это будет, будет! Я умоляю вас, взвесьте все хорошенько, поговорите с доктором Каминским, командиром корабля, меня ведь они слушать не станут. Пусть поднимут документацию экспедиции, пусть доктор прочтет свой собственный отчет о Плана сапиенс, свою статью, пусть просмотрят материалы о планете Орон. Материалы были собраны давно, много лет назад. Уже несколько экспедиций побывало на Ороне, и никто не говорил о вирусах. Ни слова. Потому что вирус — это призрак, миф, навязчивая идея...

Лидочка широко раскрытыми глазами, в которых застыл испуг, смотрела на него. Она побледнела, ни кровинки не было в ее крепко сжатых губах. Она словно потеряла дар речи и теперь подошла скорее не на врача, а на пациентку, подавленную диагнозом тяжелой болезни, неожиданно обнаруженной у нее.

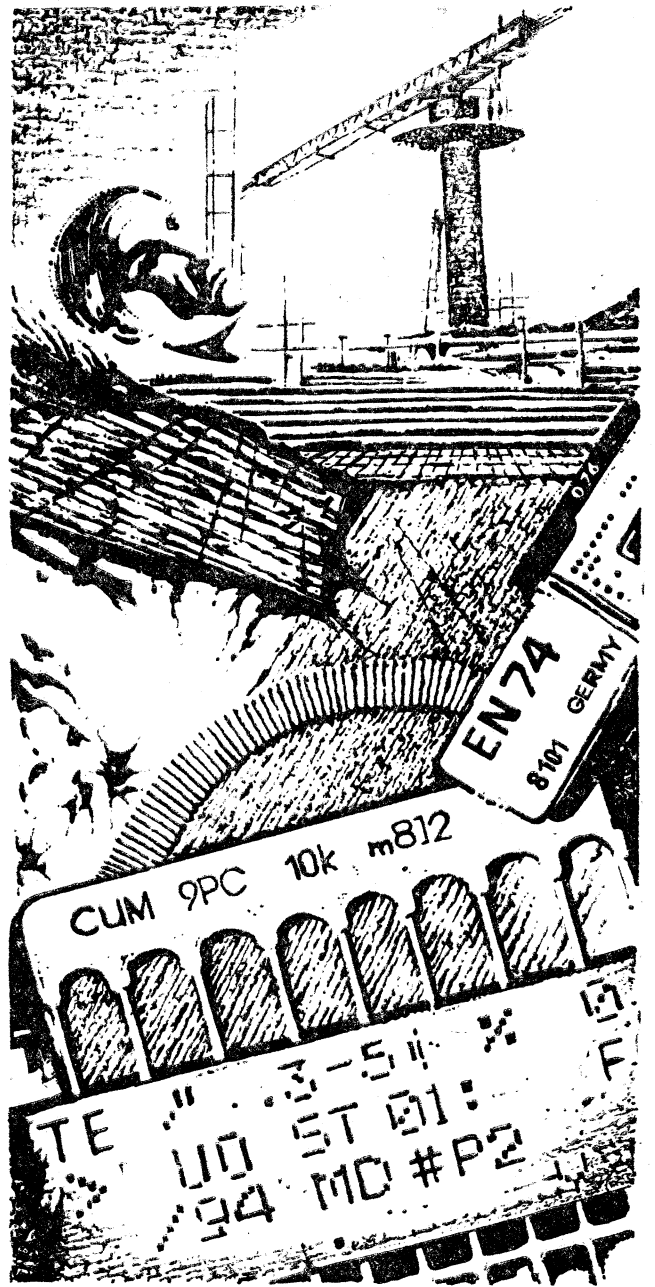
— Нет, я сам пойду к доктору или еще лучше к командиру корабля! — заявил Эрик решительно. — Пусть меня запрут к вам в палату, но я обязательно должен сделать попытку образумить их. Неужели на корабле нет ни одного человека, который оказался бы более устойчивым к внушению, чем остальные! Это невероятно!

К радости Эрика, такой человек нашелся. Но это случилось уже после того, как на Орон была сброшена бомба, и корабль взял курс на Палангею. А также после того, как Эрик был водворен в палату к Лидочке под ее строгое наблюдение. Столь плачевно закончился его визит к командиру Илье Финею.

Лазарь Венедиктов стал союзником Эрика по странному стечению обстоятельств. Здоровяк с богатырским сложением, не знающий, что такое насморк, не раз выходящий сухим из воды в космических переделках, оступился на лесенке из четырех ступенек и получил тяжелое сотрясение мозга. Целый месяц пролежал пластом в лазарете. Малейшее движение отдавалось в голове адской болью. Успокаивающие лекарства не помогали, и все существование Лазаря превратилось в борьбу с болью. Он не мог думать ни о чем постороннем, не мог читать, разговаривать, смеяться. И лишь в минуты облегчения забывался в тревожном и мучительном сне.

Но к тому времени, когда, по мнению всей команды, Эрик стал нести несусветную чушь, Лазарь встал на ноги и готов был исполнять обязанности бортинженера. Но командир корабля приказал ему отдохнуть еще несколько дней.

В свое время Эрик не успел как следует познакомиться с Лазарем, да и не хотел в общем-то близко сходить с ним. Ведь рядом с этим решительным человеком, самой природой предназначенным для космоса, Эрик казался полной противоположностью. Он постоянно на что-то жаловался, испытывал то недомогание, то скованность, то неуверенность в себе. И все это Эрик заглашал шуткой, ерничаньем, острым словом. Его товарищи и не подозревали, что душа-человек, всеобщий любимец не просто водит их за нос, он и сам крепко сжился с той маской, которую многие принимали за его истинное лицо. И система Кварков была не просто оригинальничаньем. Эрик потому и ухватился за нее, что почувствовал в ней опору, возможность преодолеть отчасти выдуманное, отчасти ре-

альное комплексование, доставлявшее ему, особенно в юности, множество огорчений.

И ВОТ теперь два эти совершенно разных человека оказались в одной палате, под бдительным оком Лидочки, причем водворению бортинженера предшествовал такой монолог лечащего врача, что Эрик не мог не заинтересоваться своим будущим соседом.

— Что творится, что творится! — сокрушенно говорила она. — Какое-то наваждение! Еще один твердит точь-в-точь то же самое, что и вы! Это нечто сверхъестественное! Это просто не знаю что!

Через несколько часов от предвзятости Эрика не осталось и следа. Лазарь стал его лучшим другом. И не мудрено. Общая вера в правоту своего дела, тревога за судьбу экспедиции, стремление предотвратить катастрофу и столь идеальное сочетание противоположных характеров, когда один дополнял другого в недостающем, — сблизило отшельников из-

Прежде всего они попытались выяснить обстоятельства «прозрения» Лазаря и соотнести их с «прозрением» Эрика в надежде, что это сопоставление укажет на причину недуга, поразившего команду корабля. Эрик и раньше подозревал, а теперь убедился окончательно, что дело скорее всего в каком-то внушении, тотальном по своему охвату. Это предположение хорошо объяснялось тем, что Лазарь, всеми силами существа сосредоточившись на борьбе с мучительными головными болями, не мог быть восприимчивым к внушению, тем более не сулящему ему облегчения. Мог ли он думать о вирусах на планете Орон, когда казалось, что голова раскалывается на части и от виска к виску протягивают раскаленный стержень!

И если с Лазарем все было ясно, то относительно самого себя Эрик терялся в догадках. Ведь не настолько он преуспел в занятиях системой Кварков, чтобы нейтрализовать силу, скрутившую двадцать человек! Может быть, просто он счастливое исключение из правила!

Недаром в юности он был белой вороной, пока не нашел ключ и не утвердился в кругу товарищей. Или, может быть, гипнозирующая сила внушения была рассчитана на определенный стереотип, а он, Эрик, по какой-то случайности не уложился в рамки этого стереотипа!

К тому же его постоянное повышенное нервное возбуждение, связанное с безнадежной любовью к Лидочке, и столь же безнадежная борьба с самим собой, вечная оглядка на то, чтобы не уронить себя в глазах друзей... Все это так взвинтило его и принудило сосредоточиться на собственной персоне, что он уже, как глухой броней или как черепаха панцирем, был надежно защищен от постороннего вмешательства. Ведь и Лазарь был защищен броней боли! Что ж, если это так, то качества, казалось бы, ненужные и вредные для космонавта, оказали ему на этот раз неоценимую услугу.

После долгих споров Лазарь согласился с товарищем, что они имеют дело с массовым гипнозом, может быть, излучением, жертвой которого оказались все члены экспедиции, за исключением их двоих. Отсюда деформация психики космонавтов и полная потеря чувства реальности.

Они обсудили вопрос, не является ли дружный хор экипажа, осудивший Эрика, проявлением телепатии, источником которой является один из космонавтов. Лазарь усомнился в этом и сказал, что Каминский [а именно его Эрик считал потенциальным носителем гипнотических способностей] вряд ли подходит для этой роли. С тем же основанием можно указать и на капитана.

— Когда я узнал о бомбардировке Орона, — сказал Лазарь, — об изменении курса, то стал бунтовать, попытаться, почему, собственно, мы должны лететь на Палангею! И знаешь, что мне ответил Финей! Обрати внимание, не кто-нибудь, а Финей! Он сказал: получена радиограмма, что там потерпел аварию космический корабль. Я стал требовать, чтобы мне показали радиограмму, но Финей взбесился, принялся упрекать меня, что я не доверяю ему, даже обозвал провокатором. Понимаешь! В любом случае, есть датчик или нет, и кто он, в сущности, неважно. Точнее, пока неразрешимо. Вопрос в другом, зачем мы летим на Палангею! Что это, очередная причуда наших начальников или новое звено в единой цепочке целенаправленного воздействия какой-то силы!

— Не вижу связи.

— А ты раскнижь мозгами. Кто-то знал о нашем намерении лететь на Орон и, чтобы сбить с толку, подбросил идею о вирусе, а затем о потерпевшем аварию космическом корабле.

— Так значит, по-твоему, внушение исходит от Палангеи! Значит, там обитают разумные инопланетяне, обладающие телепатией!

— А вот это узнаем на месте.

Мысль Лазаря была столь неожиданной, столь емкой и все объясняющей, что Эрик сразу ее принял. К тому же он был готов к ней; недаром сердце его давно предчувствовало беду.

— Но мы не можем вот так сидеть и ждать, когда нас проглотят с потрохами и косточками! — проговорил он возбужденно. — То, что у них враждебные намерения — это очевидно. Силой и обманом никто в гости не заманивает. Не пустить ли нам парочку плазменных бомб и на Палангею!

— Не валяй дурака, Эрик. Это комариные укусы для огромной планеты.

— Но тогда надо силой захватить корабль в свои руки и повернуть назад к космической станции.

— Ничего не выйдет. Нас двое, а их в десять раз больше. Они ослеплены благородной идеей, но, с другой стороны, очень осмотрительны, так как имеют на борту двух сумасшедших. Я прекрасно знаю нашего командира, летал с ним не раз, его на мякине не проведешь. Подумай и о том, что, если корабль изменит курс, на Палангею сразу выстремится за нас. И мы тут же станем послушными, как овечки. Не спасет тебя тогда твоя система, а меня второе сотрясение мозга. Нет, мы должны с тобой срочно поправиться и затанцевать как ни в чем не бывало. А вот тогда разберемся...

— Что ж, ладно! Начнем потихоньку выздоравливать!

На «выздоровление» Лазаря потребовалось всего пять дней. Он так умело повел дело, что Лидочка и без тени сомнения выписала бортинженера. Однако Эрику так и не удалось покинуть палату, несмотря на все его уловки.

Полет к Палангее проходил без всяких происшествий. Лазарь довольно часто навещал своего друга в изоляторе. Лидочка не препятствовала этим встречам. Она была горда, что за столь короткий срок сумела вернуть здоровье человеку, получившему серьезную травму, и поэтому с особой симпатией относилась к Лазарю. Кроме того, она считала, что визиты бортинженера окажут благотворное влияние на ее второго больного, самочувствие которого явно оставляло желать лучшего и служило, по мнению Лидочки, жестоким укором ее профессиональному искусству.

И все же существование Эрика было более-менее сносным. Правда, изолированный от практической деятельности, он весь упал в мир фантазии: предстоящих ужасающих опасностей и приключений на Палангее.

Волнение его подскочило до самой высокой отметки, когда однажды зашел Лазарь и горячим шепотом проговорил:

— Сегодня ложимся на орбиту Палангеи! Теперь держись и гляди в оба.

После ухода друга, оставшись наедине с голыми стенами своей палаты, покрытыми однотонным бледно-желтым пластиком, Эрик, вспомнив слова Лазаря, с горечью прозвонил:

— Куда глядеть! На эти стены!

И с этого момента он особенно остро переживал свое одиночество.

Однако еще мучительнее потянулось время, когда космический корабль совершил посадку. Лазарь больше не появлялся, Лидочка тоже куда-то исчезла, и лишь периодическое пощелкивание автоматов, обслуживающих функционирование палаты, говорило Эрику, что жизнь продолжается, что все идет своим чередом. Три раза в день на столнике появлялись завтрак, обед, ужин, четыре раза предписанные Лидочкой лекарства, два раза в неделю автоматы требовали, чтобы Эрик сменил постельное и нательное белье, в определенный час раздавалась мелодичная музыка, тоже предписанная Лидочкой как лечебное психотерапевтическое средство.

НО ВОТ как-то ночью по корабельному распорядку [какое время суток на планете Эрик, конечно, не представлял] он услышал, что кто-то возится около двери, ведущей в палату. Мягкий свет ночника предостерегающе мигнул, и Эрик почувствовал, что внутри у него похолодело. Мысленно он давно уже создал некий стереотип внешнего облика обитателей планеты. И сейчас воображение подсказывало, что дверь приоткроется, и длинный щупальца, как у осьминога, с присосками протянутся через комнату и вьются в тело.

Преодолев оцепенение, он на цыпочках подкрался к двери и долго прислушивался. Затем спросил глухим голосом, прозвучавшим как из бочки:

— Кто там!

Никто не отозвался, дверь скрипнула, и тогда, едва сохранив самообладание, Эрик крикнул:

— Да кто там, черт побери!

— Ты не спишь? Это я, Лазарь.

Никогда еще Эрик не испытывал такой всепоглощающей радости.

— Я чуть не сошел здесь с ума! — проговорил он, горячо пожимая руку другу. — Не знаю, как только выдержал! Но Лазарь не обратил внимания на этот вздох облегчения, он был сам не на шутку встревожен и озабочен.

— Так ты видел их! — спросил Эрик, сообразив, что сейчас не время для излишних чувств. — И что с ними...

— Кого их! — не то перебил, не то переспросил Лазарь.

— Как кого! — изумился Эрик, ведь это был самый глав-

ный вопрос его болезненных кошмаров. — Инопланетия, обитателей Палангеи!

— А черт их разберет, кто здесь обитает!

В этот момент лампочка ночника снова мигнула и погасла.

— Вот оно, вот оно! — проговорил Лазарь в сильном беспокоестве.

Затем он включил карманный фонарик и выскользнул из палаты, оставив друга одного в темноте.

— Куда ты! — испуганно закричал Эрик.

Ответа не последовало, Эрик терялся в догадках. Прийти, освободить и так нелепо исчезнуть, не сказав ни слова...

Вскоре Лазарь вернулся с ящиком электрических лампочек. Эрик глядел на него с недоумением. Сняв плафон с ночника, Лазарь стал проверять одну лампочку за другой. Некоторые, едва вспыхнув, тут же перегорали, другие вообще не зажигались, но большинство было исправно.

— Что ты делаешь! — спросил Эрик.

— Первые симптомы налицо! — ответил Лазарь. — Скоро корабль наш превратится в грудку бесполезного лома!

— Как тебя понять! Какие симптомы! Расскажи по порядку. У меня такое впечатление, что на корабле, кроме меня, никого нет.

— Вот именно. Все наши живут в лагере, здесь недалеко. А Лидочка с Валерием Николаевичем в горах, в обезьяньем питомнике. Здесь водятся животные, похожие на наших обезьян.

— В обезьяньем питомнике! — произнес Эрик с изумлением. — Что они там делают!

— Этого никто не знает, даже они сами, хотя какое-нибудь дежурное объяснение им внушили. То же самое и с остальными. Они будто бы помогают элистянам строить новый корабль, создают какие-то цеха для производства ракетного оборудования.

— Какие элистяне, какие цеха! — ошарашенно проговорил Эрик. У него мелькнуло подозрение, что и Лазарь, вероятно, стал жертвой какой-то навязчивой идеи, слишком странными и невероятными были его слова.

— Нет, я еще не спятил, чего ты на меня так смотришь! — усмехнулся Лазарь. — Про элистян ты должен знать, планета Элиста — это одна из колоний Земли.

— Да, да, что-то припоминаю, — поспешно подтвердил Эрик, смущенный своим подозрением насчет друга, а более всего тем, что тот сразу его разоблачил.

— Пока вроде все ясно, — продолжал Лазарь. — Но дальше... Полная чепуха. Когда-то элистяне будто бы прилетели на Палангею, здесь стоит их корабль. Он пришел в совершенную негодность, а элистяне, если они и существовали прежде, то теперь никого не осталось в живых. То, что мы видим сейчас, это плод внушения, своего рода устойчивая зрительная галлюцинация. — Лазарь перевел дыхание и заговорил спокойно: — Я не сразу разобрался, но, заподозрив неладное, запустил в одного из них здоровенным камнем. И что ты думаешь! Камень прошел сквозь него, не причиня никакого вреда. Это бесплотные тени. Я ведь почему не приходил к тебе так долго! Все вынюхивал, рыскал туда-сюда. А кроме того, я еще вынужден работать наравне с остальными...

— Подожди, подожди, Лазарь! Я снова ничего не понимаю! Причем тут все это! Почему нашему кораблю грозит опасность!

— Ты разве не видел, что перегорел ночник! И еще несколько лампочек!

— Ну и что!

— Когда ты выйдешь наружу, сразу все поймешь. Здесь масса мертвой техники. Да и корабль элистян! Скорее всего на планете свирепствует эпидемия, разрушающая самые стойкие сплавы. Судя по остаткам, техника элистян была вся из металла, а машины, которые мы обслуживаем на строительстве, изготовлены из всевозможных пластмасс. Их коррозия не берет. Мы строим не для элистян. Мы строим для наших работников, для Палангеи. Теперь понимаешь: мы в ловушке!

— Так неужели до сих пор не показались ни один из обитателей Палангеи!

— С нами ведет переговоры и направляет работу будто бы командир элистян. Он назвался Плимутом. Меня так и подмывает просерить его на прочность, как я уже это делал однажды. Но боюсь, что тогда он поймет, что я кое-что подозреваю.

— Значит, ты считаешь, что это и есть житель Палангеи!

— Трудно сказать, Плимут может быть простым посредни-

ком, такой же тенью, как и все элистяне. По-моему, он даже не говорит, это только нам кажется, что он говорит. Те, кто создал эту тень, используют ее как своеобразный передатчик, внушая нам определенные мысли. Я как-то заткнул себе уши ватой, и что ты думаешь! Голос Плимута звучал, как всегда, четко и ясно. Вата, конечно, плохой изолятор, но... Но хуже всего, что нам нельзя тянуть время. Если выйдут из строя точные приборы, нам конец.

— Но ведь мы можем дать радиogramму на Лакрус, и нам придут на помощь.

— И окажутся такими же пленниками Палангеи!

— Да, верно, — сокрушенно сказал Эрик. — Я не подумал, извини...

— Мне кажется, надо искать другой путь. Выпутаться самим. Вот если бы удалось нейтрализовать их внушение... Мне пришла мысль, что можно попробовать изолировать наш мозг экраном. Думается, столкнувшись мы с чем-то очень похожим на телепатию, телепатия же явление психофизическое, при ней передача мыслей, идей, образов происходит скорее всего при помощи особых волн. Ну, а все волны — звуковые, световые, электромагнитные характеризуются одним общим свойством: они способны преломляться и отражаться. Вот я и решил найти такой экран, который отражал бы телепатические волны Плимута и его дружок. Сперва я блуждал в потемках. Я говорю уже, что индикатором для меня были элистяне. Я наблюдал за ними и в это время наделал себе на голову всякий хлам: металлические сетки, пластмассовые ведра, алюминиевые кастрюли, стеклянные колпаки. Если бы меня увидел кто-нибудь из наших, я снова попал бы к тебе в изолятор. Однако самое обидное, что все без толку! Но как-то раз во время моих опытов вдруг хлынул проливной ливень. И представь себе, элистяне и их корабль исчезли! Я подумал: допустим, люди попрятались от дождя, но куда делся корабль! Понимаешь! Я не поверил самому себе. Но тут вдруг сообразил, что если мысль моя верна, то все наши должны в этот момент стать нормальными людьми. Я бросился со всех ног в лагерь. Но застал там лишь одного Мухина. Остальные, видимо, были на стройплощадке в горах. Кларк взглянул на меня как на выходящего с того света. «Что с нами происходит, Лазарь! — спросил он. — Куда вы попали!» Но тут ливень прекратился так же внезапно, как и начался, и Кларк с озлоблением, ставшим уже обычным в отношении ко мне, набросился на меня. Он кричал, что я бездельничаю, в то время как все трудятся и покладая рук, что ему надоело бегать и искать меня. Наверное, вода препятствует прохождению телепатических волн. Завтра я еще проведу некоторые опыты, зайду к тебе, и мы изготовим несложные приспособления для каждого.

— Да, это здорово! — с воодушевлением сказал Эрик. — Вот только, Лазарь, объясни мне, как Каминский, Финей и остальные взялись за столь сложную и огромную по масштабу работу! Ведь ты говорил о цехах для производства ракетного оборудования. А наших всего двадцать человек!

— Да, это здорово! — с воодушевлением сказал Эрик.

— Вот только, Лазарь, объясни мне, как Каминский, Финей и остальные взялись за столь сложную и огромную по масштабу работу! Ведь ты говорил о цехах для производства ракетного оборудования. А наших всего двадцать человек!

Лазарь помолчал, посмотрел на часы и сказал:

— Вероятнее всего, никакую ракету мы не строим. У меня такое впечатление, что на этой планете не хватает рабочих, притом квалифицированных. Вот мы и стали жертвой какой-то авантюры. Несколько дней назад мы занимались очисткой строительной площадки. Я впервые увидел завалы, зверсты машин, источенных ржавчиной! Здесь существовал грандиозный производственный комплекс. Ясно, элистяне не могли его создать, всего-то экипаж космического корабля! Нет, это признаки впадения мощной цивилизации, подрубленной эпидемией под корень! Вот, например, я говорю «эпидемия» и, знаешь, о чем думаю! Об Орозе. Не зря же обитатели Палангеи запугивали нас вирусами! Видимо, не мудрствуя лукаво, перенесли в наше сознание модель явления, паразитирующего их собственную планету.

— Но если это была мощная цивилизация, — возразил Эрик, — и не сумела предотвратить катастрофу, чем ей могут помочь два десятка рабов! Тут нужны тысячи роботов и мобилизация всех жителей планеты!

— Откуда мне знать, Эрик! — Лазарь усмехнулся. — Ах, обитатели планеты! Может, их и нет вовсе! А где-нибудь в толще скал, быть может, сохранился отромок цивилизации; мыслящий центр, и вот теперь с нашей помощью стремится вновь обрести механизмами, чтобы поддержать свое существование. Кстати, о роботах. Вокруг корабля гигантские кладбища этих машин. Кто знает, не мы ли призваны наладить их новое производство из более стойких материалов!

— Да, да, это вполне логично. Значит, ты считаешь, что мы имеем дело с неким супермозгом без рук!

— А иначе как объяснить способ, которым нас заманили сюда! Не забывай к тому же про элистан. Возможно, их корабль был захвачен точно так же, как и наш. Это уже не первая акция Палангеи. Но мне пора идти.

ЭРИК пошел провожать Лазаря. Но перед тем, как покинуть корабль, бортинженер заглянул в командирскую рубку и проверил исправность систем управления. Показания приборов не разочаровали его, и Лазарь заметно повеселел.

Они спустились на лифте вниз, и впервые Эрику открылась величественная панорама Палангеи. Был предупредительный час, высокое чистое небо слегка затянуто серою дымкой, сквозь которую отчетливо проступала голубизна, с каждой минутой становящаяся все более сочной. Корабль стоял у подножия огромной горы, озаренной малиновым светом восходящего Лакруса. К горе примыкали несколько бутовок. В противоположной стороне, насколько хватало взгляда, тянулась обширная пустышь с островками леса и зарослями кустарника. Кое-где поближе к матовым зеркальцам озер, одно из них находилось совсем близко. На берегу его стоял слегка покосившийся остов корабля элистан.

— А где их новый корабль? — спросил Эрик. Пора проверить, распространяется ли на него, как и на весь экипаж, действие местных галлюцинаций!

— Да вон, — указал рукой чуть в сторону Лазаря. — «Еще заря не текла», а эти уже на работе!

Здесь же, у озера, возвышался блестящий сигарообразный корпус ракеты, опоясанный строительными лесами, на которых были установлены какие-то механизмы. На лесах деловито сновали человеческие фигуры, создавая иллюзию напряженной работы. От озера слегка парило, контуры корабля и двигающихся фигурок не были четкими, возникало ощущение призрачности, нереальности картины. Вот только один ли туман виноват в этом!

Эрик заинтересовался непонятным явлением и, решив подойти поближе, сделал несколько шагов.

Лазарь видел, как изменилось лицо друга, как будто тот натолкнулся на невидимую преграду.

— Что там! — встревоженно спросил Лазарь и торопливо приблизился к Эрику.

Перед ними лежал человеческий скелет, густо заросший травой. По черепу степенно полз толстый жук.

— Не удивляйся, — сказал Лазарь, — здесь много скелетов. Похоже, это элистане...

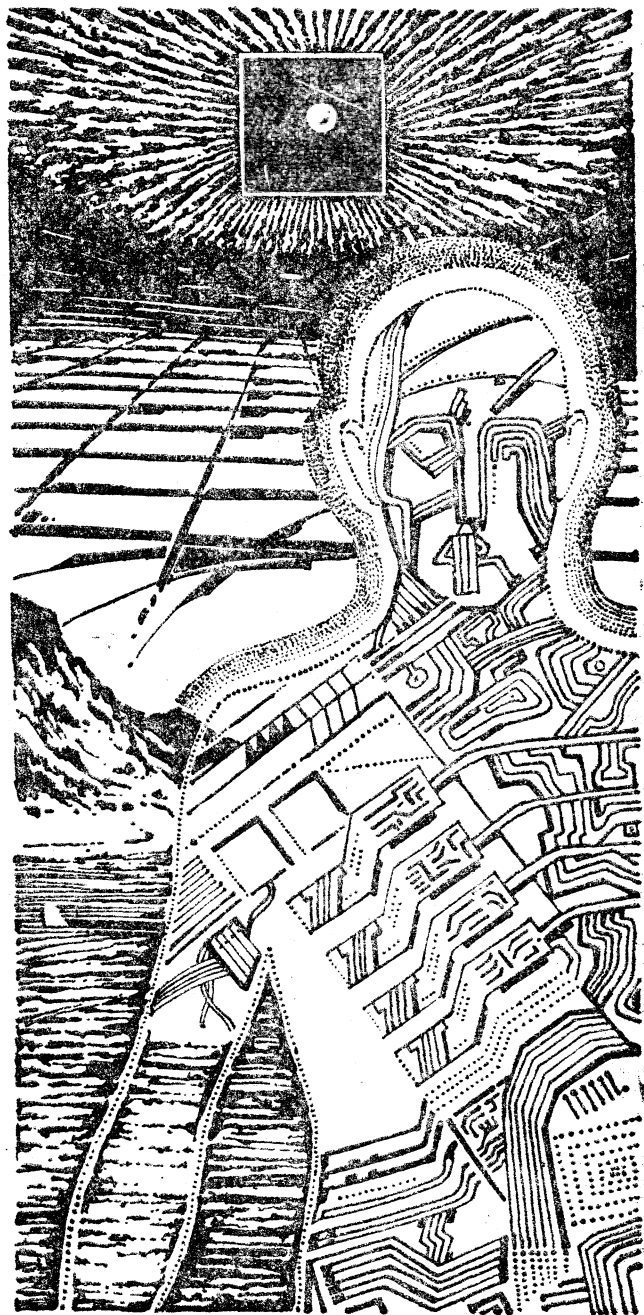
Весь день Эрик бродил по окрестностям, наслаждаясь обретенной свободой. Он осмотрел десятка два сохранившихся машин и убедился, что Лазарь прав: это роботы.

Побывал он и у пришедшей в негодность ракеты элистан и чуть было не поплатился за это жизнью. Проникнув внутрь корабля, стал рыться в каютах в надежде разыскать какие-нибудь бумаги, проливающие свет на трагедию, постигшую экипаж. Забыв о ветхости переборок, Эрик неловким движением опрокинул небольшой шкафчик и вызвал тем самым целый обвал. Рухнули стены и перекрытия кают, пол ушел из-под ног. Эрика отбросило на какую-то чудом уцелевшую площадку и засыпало с ног до головы обломками и едкой пылью.

Эрик находился в носовой части корабля, и его спасение зависело от того, осталась ли целой аварийная лестница или нет. Если нет, то корабль станет его могилой: без лестницы ему никогда не спуститься вниз. К счастью, лестница выдержала удар падавших обломков. Правда, не хватало многих ступенек и даже целых пролетов, но делать нечего, надо было попытаться спуститься. И Эрик, проделывая чудеса эквилибристики, то и дело натываясь на острые кромки истонченной коррозией стали, рискуя каждую минуту сорваться и вызвать новый обвал, стал спускаться вниз.

Ступив наконец на твердую почву, Эрик бессильно рухнул на траву. Лишь теперь он обратил внимание на свои израненные руки, вымазанные кровью и ржавчиной, изорванную одежду и ощутил боль во всем теле от десятков ссадин и ушибов.

Но, отлежавшись, приведя себя в относительный порядок и уже философичнее отнесясь к своему приключению, он решил взглянуть на новый корабль элистан, который при ярком свете Лакруса виден был издали очень четко, с массой мелких деталей. Эрик поразился способности создавать столь де-

тальные и устойчивые галлюцинации. Около полсотни элистан, словно муравьи, облепили корпус звездолета и усердно трудились: устанавливали какие-то блоки, что-то поднимали, опускали, бегали туда-сюда, местами даже вспыхивали огни электрической сварки. Эрик подошел ближе и с удивлением отметил, что все это грандиозное строительство происходит в полной тишине. Не слышно ни голосов элистан, ни шума работающих механизмов. А между тем вокруг кипела жизнь: стрекотали и звенели насекомые, пели птицы, отовсюду доносились всевозможные шорохи и звуки. Это противоречие озадачивало Эрика. Он хотел уж было окликнуть элистан, попробовать заговорить с ними, проверить, как они будут реагировать на его появление, но ему стало не по себе. Пока элистане не замечали его, казалось, что они существуют как бы в ином мире, а вызвать их в этот свой мир, где жил, дышал, двигался он, Эрик, было жуткозато.

Неожиданно ему пришла мысль провести опыт, подобный опытам Лазаря. Если вода не пропускает телепатические волны, то рядом с кораблем воды хватает, целое озеро! Можно

окунуться в него и посмотреть: исчезнет корабль или нет!

Горы железного хлама, громоздившиеся по берегам озера, подсказали и техническое исполнение проекта. Эрик нашел несколько пластмассовых трубок, зеркалец, стекляшек, приложил максимум изобретательности и старания и вот уже с удовольствием осматривал прибор собственного изготовления.

Не бог весть что по внешнему виду, но тем не менее перископ действовал. Проверив его на суше, Эрик разделся и осторожно вошел в озеро. Сначала ему показалось, что опыт удался, но тут же он убедился, что при погружении просто потерял корабль из вида. При последующих попытках он так же отчетливо видел корабль элистан и их самих через зеркала, как и невооруженным глазом. Стало ясно, Лазарь что-то напутал.

Вырвавшись на берег, Эрик отшвырнул в сторону перископ и оделся. Дневные приключения измучили его. Он почувствовал, что зверски хочет есть: день уже склонился к закату, с самого утра во рту не было ни крошки. В другое время ей не рискнул бы появляться в лагере, но сейчас ему было решительно все равно, какую реакцию вызовет его визит. Как-никак его тянуло к друзьям, перспектива сидеть в пустом корабле и терзаться ничемными размышлениями ничуть не прельщала Эрика.

Еще издали он увидел серое приземистое строение с крохотными щелками окон, походившее на казарму. Крыша во многих местах прохудилась и не могла защитить от непогоды. Сердце у Эрика сжалось, он ощутил приступ леденящей тоски. Боже, какое будущее уготовано им — рабочему скоту паразитов — на этой жуткой планете!

Эрик оказался во дворе барака. Его внимание привлекли примитивный колодец с ручным воротом, горка наколотых дров у сарая и развешенное для просушки белье. За всем этим угадывался нехитрый быт космонавтов, словно бы перенесенный на машине времени в далекие исторические эпохи. На первый взгляд необъяснимо и дико: ведь ничего не стоило потратить день-два и оборудовать лагерь, используя машины и материалы с корабля. Но Эрик понимал практическую и дальнюю прицел хозяйев планеты. Скоро вся техника придет в негодность, и космонавтам волею-неволею придется пользоваться благами цивилизации тысячелетней давности. Так не лучше ли сразу лишиться их всяких иллюзий.

Из барака вышли два человека. Одним из них был командир корабля Илья Финея, одетый в засаленный рабочий комбинезон, второго Эрик никогда прежде не встречал. Неизбежный тоже был в комбинезоне, с заплатами на коленях и локтях. Лицо его показалось Эрику самым обыкновенным, ничем не примечательным: слегка угловатым, широким, с крупным носом и пскатым лбом. Эрик с ужасом понял, что столкнулся с Плимутом.

Командир корабля вскинул на Эрика удивленный взгляд, который тотчас был перехвачен миним элистанинном:

— Как! — воскликнул Плимут, уставясь на Эрика как на седьмое чудо света. — У вас есть еще люди! И вы ничего не говорили!

Илья Финея быстро наклонился к нему и что-то проговорил вполголоса. Эрик сообщил, что речь идет о его болезни.

— Ах, вот оно что! — отозвался Плимут, заметно успокоившись и потеряв всякий интерес к Эрику. — Так нечего ему здесь болтаться!

— Ты как сюда попал! — напустился на Эрика командир.

— Кто тебя выпустил!

— Никто, я сам, — сказал Эрик. — Я есть хочу!

— Разве тебя не кормят в палате!

— Автоматы перестали работать, — принялся сочинять Эрик. — Я чуть не умер с голоду.

— Как это перестали! — удивился Финея.

— Перестали и все. Надо отремонтировать их.

— Ну вот еще, будем мы возиться со всякой чепухой! — проворчал командир. — Иди на кухню, там должно остаться что-нибудь после обеда. И вот что, выбери себе миску и будешь приходить по вечерам за едой. И больше чтобы твоего духа здесь не было, понял! Сиди в своей палате и из корабля ни шагу! Иначе тебя снова запрут, и помирай тогда с голода!

Эрик не преминул воспользоваться приказом командира. Нет, он не собирался добровольно отдавать себя в рабство, хотя это и сулит общение с товарищами. Его свобода пригодится для их же блага! Кто знает, может быть, опыт с перископом не отвечал каким-то условиям, о которых он не подо-

зревает. Лазарь лучше разбирается в технике, и нечего опережать события!

С этими мыслями Эрик вернулся на корабль и стал поджидать своего друга.

ЛАЗАРЬ появился уже в сумерках. Он выглядел уставшим и злым.

— Что это с тобой! — спросил он, увидев рваную одежду Эрика и порезы на его руках.

Эрик рассказал о посещении корабля элистан.

— Тоже ерундой занимаешься, — коротко резюмировал Лазарь и продолжал чуть помягче. — Еще какие успехи!

— Был на озеро, сделал перископ...

— Что ж, ты избавил меня от лишней траты времени, — проговорил он, когда Эрик изложил все перипетии своего эксперимента. — А я вел себя, как мальчишка. Нашел огромную бочку, сделал в ней отверстие, вставил стекло и, наполнив водой, наблюдал за кораблем. За этим занятием меня и застали Финей с Мухиним! Ах, какой был разнос! Если бы им не нужны были рабочие руки, меня в наказание засадили бы под замок! Я их чуть не придушил обоих от злости, а пришлось оправдываться, говорить, что умираю от жары и хочу освежиться!

— Лазарь, вода не влияет на наши галлюцинации. Я видел корабль точно так же, как и с берега.

— В чем же дело! Ведь во время грозы корабль исчез!

— Постой, Лазарь, ты говорил о грозе!! С молниями! Так, может быть, вся причина в молнии, а не в ливне!

— Об этом я и не подумал! Да, любопытно... Молния! Что происходит при молнии!... Знаешь, надо срочно идти в библиотеку. По моему, мы должны изготовить ионизаторы. Портативные ионизаторы. Надо окружить мозг плотной сферой ионизированного воздуха, и это будет своеобразный экран, либо поглощающий, либо отражающий телепатические волны.

Полночи они просидели в библиотеке, разрабатывая конструкцию аппарата, вторую половину ночи занимались изготовлением опытного образца. Едва забрезжил рассвет, они со своим прибором отправились к кораблю элистан.

Начал испытание Лазарь. Он надел на голову гермошлем легкого скафандра, соединенный проводами с энергоблоком, а затем привел в действие и сам энергоблок.

Эрик видел, как десятки крохотных электрических искорок всыхнули на штырьках, которыми был усеян гермошлем, и слились в непрерывное голубое мерцание. Затаив дыхание, он следил за реакцией своего друга.

Когда наконец Лазарь снял гермошлем, Эрик отшатнулся: лицо Лазаря искажала презрительная гримаса.

— Ко всем чертям! — и гермошлем полетел на землю.

— Идиот! Бездарь! Ничего не выходит! Да что там!

— Подожди, может, мне попробовать! — неуверенно предложил Эрик, поднимая прибор. — Давай увеличим мощность.

Лазарь безнадежно махнул рукой.

— Делай, что хочешь.

И впрямь — второе испытание ничего не дало. Корабль-призрак опять вышел победителем.

— Комедия окончена, — сказал Лазарь устало. — Мне надо поспать хотя бы часа два. Опоздаю сегодня на работу или вообще не пойду. Пускай ищут, все равно.

— Не подышать же нам здесь!

Лазарь коротко вздохнул.

— Я вот что думаю, — сказал он, — мы все рассуждаем о телепатии. А может, ее не существует, может, здесь совершенно иное воздействие! Представляю, как веселится Плимут, если ему известно о наших кустарных экспериментах!

— Ну, а как же эффект грозы! — не унимался Эрик. — Ведь корабль исчез! Да и реакция мужа Лидочки тоже весьма любопытна. Какая разница, телепатия это или нет! Главное, что во время грозы воздействие на нашу психику прекратилось!

— Вероятно, молния нанесла механическое повреждение излучателю... К тому же всего на несколько минут.

— Механическое! — воскликнул Эрик с воодушевлением. — А почему мы не можем нанести механическое повреждение!

— Видишь ли, — сказал Лазарь неуверенно, — когда я говорил об излучателе, то имел в виду источник галлюциаций и прочей чертовщины. А где этот источник и что он собой представляет, этого я не знаю. Не с Плимутом же ты предлагаешь бороться!

— Значит, надо попытаться выяснить.

Через три дня Лазарь пришел вновь. Он был возбужден, ел приготовленный Эриком ужин и рассказывал:

— Я был на горе. На самой вершине расположены устройства, аккумулирующие энергию Лакруса. Это важнейший узел всей системы. Если ударить по нему, наши хозяева долго не оправятся. Недаром там идет такое строительство. Сотни, тысячи роботов. Видимо, все силы брошены на модернизацию установок. Но и это еще не все. Я видел если не сам излучатель, то его антенну. С земли ее не взорвать. Все загорожено, проволока, ток, радиация... А может быть, и более эффективные средства защиты.

— У нас есть плазменные бомбы! — сказал Эрик. — Вдвоем мы справимся с управлением корабля. Нашим подмешаем в пищу спотворного и тайно перевезем их сюда.

— А если я ошибся? Если у вышки другое назначение!

— Все верно, надо хорошо продумать каждый шаг. Обрати особое внимание на Плимута — он глаза и уши всей системы.

До утра друзья проговорили, обсуждая детали будущей операции. Потом Лазарь ушел, а когда, уже затемно, вернулся, Эрика неприятно поразила нерешительность друга.

— Коррозия распространяется медленнее, чем мне казалось раньше. Кроме того, пока мы не зная, каким образом контролируется наша психика, вступать в открытую борьбу не имеет смысла. Мы только выведем себя раньше времени, а это равносильно поражению. Пока мы сидим тихо, мирно, нас терпят. Но контроль над нами, как и над всеми остальными, безусловно, существует!

Эрик изумленно глядел на друга, совершенно сбитый с толку его невероятными заявлениями.

— Как! Ты считаешь, что мы под контролем! — наконец произнес он растерянно.

— Да, в какой-то степени, — тихо сказал Лазарь.

— Нет, это ты зря, — проговорил Эрик, сообразив, что друг погорячился и высказал мысль, в которой сам не был уверен. — Факты как раз говорят о другом. Очевидно, система, с которой мы здесь столкнулись, настроена на психику большинства членов нашей экспедиции и полностью доминирует над ней. Но мы — с нашими планами и убеждениями — как бы не существуем для системы. Когда я наткнулся на Плимута у барака, он очень удивился, да и то, вероятно, потому, что удивился Илья Финей. Без командира, быть может, Плимут меня просто не заметил: я не укладываюсь в рамки того стереотипа землянина, который создала для себя система, и, так сказать, не являюсь для нее раздражителем.

— Что ж, предположим, я согласен с тобой, но что Плимуту и этому супермозгу, который им руководит, стоит настроиться на нашу психику!

— Ну и пусть! Пока Плимут разберется, пока поймет, в чем дело, мы взлетим и разгромим установки на горе. На нашей стороне неожиданность, а супермозгу необходимо время, чтобы проанализировать ситуацию и принять ответные меры. Вспомни к тому же начало нашего путешествия. Лишь через полтора месяца после старта космического корабля мы почувствовали действие внушения. Можно предположить, что все это время Палангея вживалась в нашу психику, изучала ее, нащупывала слабые места и лишь потом взялась за дело. И вот теперь мыслящему центру планеты вновь предстоит проделать солидную работу, чтобы найти управу на нас. Но мы должны его опередить!

— Да и действовать наверняка. Пока мы не найдем надежной защиты против внушения, нечего и думать о бегстве. Плимут не такой дурак, чтобы дать провести себя вокруг пальца. Я, кажется, нащупал верный путь. Мне пришла мысль использовать для отражения телепатических волн обыкновенные зеркала...

Лазарь прервал свою речь, недоуменно уставясь на Эрика.

— Что с тобой? Почему ты так на меня смотришь! — испуганно проговорил Лазарь.

Но Эрик не в силах был вымолвить слова. Как молния в его мозгу промелькнула догадка, что Лазарь уже не принадлежит себе, что он попал под контроль супермозга Палангея, который внушил ему эту нелепую идею о зеркалах. И в самом деле, на Лазаря давно должны были обратить внимание из-за его постоянных отлучек и спешащих на работу.

— Может быть, ты сомневаешься в моей идее!

— Да, Лазарь, сомневаюсь, — наконец отозвался Эрик. — Это не твоя идея. Это идея Плимута.

— Зеркала — идея Плимута! Какая чушь! Я уже неделю думаю об этом!

— Вот видишь! — воскликнул Эрик. — Значит, неделю назад ты попал под контроль!

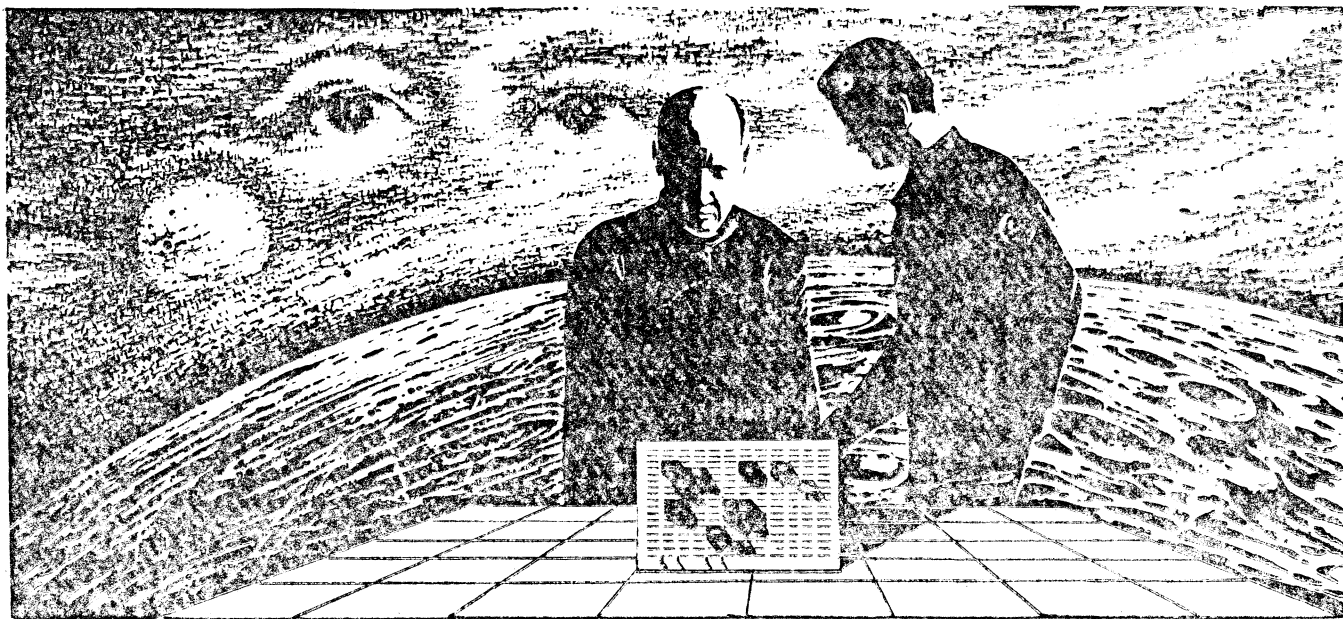
— Но если я под контролем, значит, им все известно. И о тебе тоже. И шансов на спасение у нас нет.

— Напротив, если мое подозрение правильно, у нас великопленные шансы! Понимаешь, они ведь пока ничего не могут с нами поделать! Тебе вот внушили какую-то нелепую идею вместо того, чтобы разом подчинить своей воле. Значит, не все потеряно. Мы можем им противостоять. Но застра... Надо действовать, пока мы хозяева положения. Когда у вас ужин!

— Если схват на вездеходе, успеем.

— Значит, ты согласен!

— Нет, не согласен! Но ты меня вынуждаешь! Ладно! — вдруг проговорил Лазарь решительно. — Пусть будет потвоему! И черт с ними, с этими зеркалами! Хватит с меня бочки и ионизатора! Посхали!

ЭРИК дожидался возвращения Лазаря в бездеходе. Уже стемнело, а Лазаря все не было. Подозрения — одно страшнее другого — одолевали Эрика. Ему казалось, что Плимут разгадал их план и настроил космонавтов против Лазаря. Наконец Лазарь появился.

— Ну! Что там! — спросил Эрик, едва сдерживая свое нетерпение. — Да говори же скорей!

— Все в порядке. Спят. В наказание, что я опоздал, мне поручили разливать ужин. Я, конечно, не упустил такой возможности и насыпал каждому лошадиную дозу снотворного. Они погрузили всех спящих в бездеход и отвезли на корабль.

По очереди, партиями по шесть-семь человек, поднимали на лифте и укладывали на полу в салоне корабля. Мухин проснулся, когда его несли. Не в состоянии понять, что происходит, он покорно позволил донести себя до салона, а затем проговорил:

— Спасибо! А дальше что?

— Иди к себе в каюту, если не хочешь спать на полу, — подчеркнуто грубо заявил Лазарь.

Кларк Мухин покрутил головой, разглядывая своих коллег, лежащих вполкалу друг на друга, и промычал что-то нечленораздельное. Картина была потрясающая и необычная и подействовала на Мухина необычайно умиротворяюще. Он уселся в кресло и моментально заснул.

— Ну, Лазарь, — сказал Эрик, — теперь последнее усилие. Поезжай в заповедник за Лидочкой и Валерием Николаевичем. Если не успишь их, поднимай бездеход по грузовому лифту и запри обоих вниз. Этим я запрю в салоне. Сам буду в рубке. Дай мне знать по радици, когда будешь возвращаться.

Пока Лазарь отсутствовал, Эрик готовил корабль к старту. За хлопотами время шло незаметно, и Эрик даже вздрогнул, когда услышал в микрофон легкий щелчок и слово «еду». Через пятнадцать минут в рубке появился и сам Лазарь.

— Валерий Николаевич даже помог мне донести Лидочку до каюты, — сияя, сообщил он. — Там я их обоих и запер. А вообще они очень обрадовались, когда я сказал, что их вызывают на собрание. Видно, порядком соскучились среди обезьян.

— Ладно, стартуем! — сказал Эрик, подсаживаясь к пульту.

— Давай-ка, лучше я, — Лазарь слегка отстранил своего друга и с профессиональной ловкостью заиграл на кнопках и клавишах, приводя системы корабля в действие.

Но тут произошло непредвиденное. В рубке оказался Плимут. Как он попал сюда — оставалось загадкой. Лифты выключены, люки задрены.

— Что вы намерены предпринять! — спросил Плимут тоном начальника.

— А вам какое дело! — проговорил Эрик, цепенея от страха. До старта оставались считанные секунды. А там можно пустить бомбу и навсегда избавиться от призраков Палангеи. Но вот в последний момент все грозит рухнуть! Хватит ли выдержки у Лазаря! Но двигатели запущены! Молодец Лазарь! Эрик чувствовал, что корпус корабля сотрясает легкая вибрация. С каждой секундой она усиливается. И тут раздался гул, непоминающий раскат грома. Гул заполнил всю рубку, нельзя было произнести слова. Эрика вдавило в кресло, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело словно налилось свинцом. Но сквозь рев двигателей отчетливо послышался голос Плимута:

— Вы не имеете морального права! Немедленно посадите корабль! Вы ответите за то, что оставили мой экипаж в беде!

Наконец корабль вышел в открытый космос, и появилась возможность разговаривать без наушников. Правда, язык плохо слушался, казалось, что во рту кусок ваты: нагрузка на организм была все еще велика. Тем не менее Эрик ответил на тираду Плимута:

— Оставьте нас в покое! Иначе вам не добраться. Когда люди попадают в беду, они просят о помощи, а не требуют ее. Да какие вы, к черту, люди!

— Вы еще пожаляете о своем решении, — сказал Плимут. — И смень скоро. Что вы делаете! — вдруг вскрикнул он, видя, что Эрик нажал какую-то кнопку.

— Сбрасываю плазменные бомбы на ваши энергетические установки!

Плимут исчез прежде, чем Эрик вторично коснулся кнопки.

В тот самый момент приборы зарегистрировали взрыв на Палангее. Через некоторое время прогремел второй.

— Вот и все, — сказал Эрик. — Значит, точно, это была антенна излучателя.

Действие снотворного проходило, и участники экспедиции просыпались один за другим. Подавленные странными происшествиями и возбужденные до предела.

Когда Лазарь, Эрик, а вслед за ними Лидочка и Валерий Николаевич вошли в салон, там царило нечто невообразимое. Одни о чем-то говорили, пытались перекричать друг друга, спорили, требовали внимания и тишины. Другие, как лунатики, с отрешенным видом ходили взад и вперед, обхватив голову руками и причитая на все лады.

Надо было срочно вмешаться. Лидочка и Валерий Николаевич среагировали быстро. В салоне появились всевозможные лекарства и графины с водой. Оказывая помощь, Лидочка и Валерий Николаевич успокаивали больных, заедряли, что теперь все будет хорошо, хотя сами не были в этом уверены.

Через час всеобщее возбуждение сменилось апатией. Люди, поверив, что им уже ничего не угрожает и все испытания позади, стали расходиться по каютам, оставив неразрешенные вопросы на следующий день. Иные остались и дремали в креслах, но не проявляли никакого интереса к группе, собравшейся вокруг Лазаря и Эрика. Здесь были Каминский, командир корабля и еще два-три человека. Они засыпали вопросами своих спасителей, так что те не успевали отвечать. Например, биохимик Липов заявил Эрику:

— Неужели вы не могли найти способ предупредить нас, что мы летим в ловушку!

Но Эрик сдерживал себя и не напоминал о своем заточении.

На другой день все пришло в норму, пора было приступать к ремонту корабля. Многие приборы давали неверные показания, разрушительное действие коррозии стало сказываться сразу, лишь начали функционировать механизмы и системы управления. По радици вызвали аварийный корабль, который должен был встретить их где-то в районе Орона. Но до этой планеты предстояло добираться самим.

Гипотеза Эрика и Лазаря, что на Палангее экспедиция столкнулась с неким электронным супермозгом, который попытался привлечь их как рабочую силу для решения собственных проблем, вызвала много толков и живо обсуждалась во время пути. Самым сенсационным был отчет Лидочки и Валерия Николаевича о их деятельности в питомнике. Оказалось, что они, по навязанному им плану, проводили эксперименты над обезьянами, вызывая искусственные мутации в надежде вывести новую породу, способную к осмысленному труду. Правда, времени было слишком мало, и ничего сделать не удалось, но сам факт свидетельствовал о многом.

Вместе с тем разговоры о прошлом не отвлекали экипаж от их жалкого настоящего. Полет продолжался, и чем дальше, тем сильнее обнажались следы разрушительной работы коррозии, пожирающей металл корабля. Экипаж встал на борьбу с ней. В лабораториях была изготовлена дезинфицирующая жидкость, выходящая из строя приборы и узлы заменялись новыми. И все же на подходе к Орону свершилось немишуемое: корабль потерял управление, лишился маневренности, двигатели заглохли, и угроза гибели вновь нависла над космонавтами.

Однако спасательный корабль спешил им навстречу, с каждым днем расстояние сокращалось, и это подавало некоторую надежду. Но в любой момент могла нарушиться герметичность. Илья Финей отдал приказ всем облачиться в скафандры, хотя и они являлись теперь весьма ненадежной защитой.

Наконец с аварийной ракеты поступил долгожданный сигнал:

— Приближаемся к вам! Приготовьтесь к стыковке!

Экипаж покинул разваливающийся корабль, который решили взорвать: если он будет захвачен притяжением Орона и со временем рухнет на его поверхность, это грозит заражением еще одной планеты.

Но гораздо сильнее беспокоила космонавтов зловещая перспектива перенести инфекцию на Землю. И, может, по воле они на долгие месяцы станут узниками космоса, пока не будут разработаны эффективные средства защиты от коррозии. Однако предстоящий карантин был вполне осознанной и добровольной мерой и никого не пугал.

ИЗОБРЕТЕНИЙ

норман
спинрад

Однажды утром, от печальной мысли я решил нанести визит моему кузену Роачу. Жил Роач в одной из кишачих ящеричами пещер, на Восточной стороне горы. Он не охотился на медведей, не выращивал злаковых, а проводил время, ляпая комки медвежьего жира, куски бизоньего мяса и гнилые растения на стене своей пещеры.

Роач утверждал, что он — Художник. Он произнесил это с заглавным «Х». (Хотя правописание еще не было изобретено).

Как ни странно, у Роача имелась женщина, одна из самых уродливых на горе. Она проводила время, лежа на полу пещеры Роача и рассматривая натюрморты своего сожителя.

Обычно она говорила, что эти натюрморты — душа Роача. А также утверждала, что у Роача очень большая душа.

Очень большая и о ч е н ь вонючая.

По мере приближения к пещере, я учуял едкий дым. И действительно, пещера была им наполнена. Посредине пещеры сидели Роач и его женщина. Они жгли большую охапку сорняков и вдыхали дым.

— Что вы делаете! — спросил я.

— Заводимся, бэби, — ответил Роач. — Я только что изобрел.

— Что значит заводимся!

— Ну, собираем разные растения, высушиваем, поджигаем и затем балуемся дымком.

Я почесал голову, непреднамеренно потревожив покой моих любимых вшей.

— А зачем так делать!

— Видишь ли, старик, это словно возвышает тебя.

Я смерил Роача и его женщину взглядом, подумал и сказал:

— Мне не кажется, что ты выше от земли, чем я. Такой же коротышка, как и прежде.

Роач с отарашением фыркнул.

— Тебе не понять этого, парень. Ты не рожден Художником, Философом и Метафизиком. (Хотя философия и метафизика еще не были изобретены). Полюбуйся-ка лучше моим последним чудом!

Большой блямбой на ближайшей стене пещеры засыхал серый ком медвежьего жира. Из земли торчал кусок бизоньего мяса. Красные, зеленые и коричневые растения окружали это. Пахло искусство Роача ничуть не лучше, чем смотрелось.

— Э... интересно... — промямлил я.

— Вот настоящее произведение искусства, бэби, — гордо произнес Роач. — Я назвал это «Душа человека».

— Э... «Парша человека»? Э... д е й с т в и т е л ь н о... Сходство есть...

— Нет, нет, парень! Душа, а не парша! Рифмы еще не изобретены!

— Извини, я забыл.

— Ничего, старик, я не в обиде.

— И все же, — сказал я, стараясь дать ему почувствовать себя несколько лучше, — это очень Художественно. (Что бы это значило!!)

— Спасибо, бэби, — хмуро ответил Роач. Он и впрямь выглядел ужасно.

— В чем дело, Роач! — спросил я.

— Мы ничего не ели вот уже неделю.

— А почему бы тебе не пойти и не убить медведя или что-нибудь еще! — предложил я.

— У меня нет времени для таких пустяков, — с негодованием заявил Роач. — Я должен жить для Искусства!

— Судя по всему, ты умираешь для... извини, во имя Искусства, — проговорил я. — Не думаю, что ты много сможешь создать, будучи мертвым.

— Что ж, — очень тихо произнес Роач. — Прежде всего я никудышный охотник. И, возможно, проголодался бы еще быстрее, охотясь целый день. Или, что вероятнее, медведь убил бы м е н я. Так что голодаю я сейчас по веской причине.

Я вынужден был признать в его словах определенный резон. Роач на удивление дальновиден. А так же удивительно тощ. Настоящий 90-фунтовый хилатик.

— М-м-м-м-м... — подумал я вслух.

— М-м-м-м-м... ч т о! — спросил Роач.

— Ну, ты, конечно, знаешь старого Аардварка! Он тоже не может охотиться. И поэтому делает копыя и торгует ими, в обмен на медведей. Может, стоит попробовать!

— Заняться б и з н е с о м! — вскричал Роач. — Стать буржуа! Увольте! Я — Художник. Кроме того, — добавил он уже смиренно, — не умею изготавливать копыя.

— М-м-м-м-м...

— М-м-м-м-м...

— Знаю! — заорал я. — Ты можешь продавать свои картины.

— Остынь, бэби, — буркнул Роач. — Неужели кому-то нужны картины в обмен на пищу!

— М-м-м-м-м...

— А хоть бы и так, но мне все равно придется сидеть впроголодь. Приведи примеры, чтобы гений прожил в довольстве!

— Минутку, — произнес я. — Э-э... если, скажем, я найду кого-нибудь, желающего обменять картины на пищу, ты согласишься со мной... скажем, одним медведем из каждых десяти, а!

— Конечно, — согласился Роач. — Что мне терять!

— Тогда — сделка!

— По рукам, бэби!

Таким образом, я изобрел десятипроцентные комиссионные.

И отправился повидать Пиканта. Тот жил в умопомрачительной пещере. Вся она была заполнена предметами вроде лосиных шкур, выращенных в розовый цвет, чучел броненосцев, а стены покрыты увядшим выюном. По каким-то причинам, которых я пока не мог постичь, женщины наиболее прирученных мужчин горы давали Пиканту медведей в обмен на произведение подобного дизайна в своих жилищах.

Да и сам Пикант выглядел достаточно пикантно. Одет он был в плотно облегающее одеяние саблезубого тигра, выкрашенное в светло-фиолетовый цвет.

— Привет, мой сладенький, — приветствовал меня Пикант, когда я вошел в его надушенную благосониями пещеру.

— При-вет, Пи-кант, — запинаясь, ответил я. — Слышал о Роаче!

— Роач! — взвизгнул хозяин пещеры. — Этот грязный, гадкий мужик! Этот битник с абсолютно непередаваемым о й пещерой!

— Точно — он, — сказал я. — Роач — Художник. Очень-очень хороший Художник.

— Что ж из того!

— Вот что. Твой друг Алколо...

— Пожалуйста, сладенький! — опять завизжал Пикант, — не упоминай больше это ч у д о в м и щ е Алколо в моем присутствии! Мы в ссоре. Я теперь даже не могу понять, что такого видел в нем раньше. Он стал совершенно невыносим.

Алколо был... гм... д р у г о м Пиканта... Они... что-то изобрели вместе. Никто не знал, что это было, но общине пришлось организовать специальные полицейские силы по борьбе с распространением спиртных напитков.

— Вот именно невыносим, — поддакнул он. — Вот как обстоит дело. Алколо платит Роачу двадцать медведей за оформление своей пещеры. Он утверждает, что Срингиланый Роач придает его пещере «непередаваемый» колорит... «Позитивный вид жилища лентяя, приятель», — таковы, кажется, были его слова.

— О-о-о-о! — завизжал Пикант. — О-о-о-о!

Он начал прыгать по пещере, как будто ему наступили на любимую мозоль.

— Этот монстр! Это настоящий з в е р ь! О-о, как уж а с н о, как непередаваемо! Что же мне делать, мой сладенький, что же мне предпринять!

Я благоразумно дал разгореться пожару, а потом, словно между прочим, обмолвился:

— Видишь ли, Роач — мой кузен, и как ты знаешь, я имею на него некоторое влияние. Думаю, что смогу убедить его

сделать художественное оформление т в о е й пещеры, вместо пещеры Кокатуу. Особенно, если ты заплатишь т р и д ц а т ь медведей вместо двадцати...

— О-о-о, и ты это сделаешь, мой сладкий!
— Что ж, наверняка не знаю. Но к тебе, Пикант, я испытываю своего рода симпатию... Вместе с тем...
— Очень, очень, о ч е н ь прошу тебя — пожалуйста, а!
— О'кэй, Пикант. Все, что в моих силах.

И Пикант получил своего оригинального Роача за тридцать медведей. А на следующей неделе я отправился к Аяколю и повторил — почти дословно — все то же самое, где надо, переставляя имена.

И заставил раскошелиться на сорок медведей. Сорок и тридцать — это семьдесят. Но мне кажется, еще рано почитать на лаврах, надо повнимательнее приглядеть за этим делом, пока кто-нибудь не изобрел лодоходный налог.

Далее Роач стал совершенно невыносим. Теперь он говорит об «искусстве» с маленького «и», а о «медведях» — с большого «М». Судя по всему, он первый из филлистеров имеет все, что пожелает.

Ну, а если вам нравится моя новая леопардовая шкура! Не хотели бы вы выкурить одну из моих гаванских сигар! А вы еще не видели мою новую женщину, а! И мою новую пещеру вы еще не видели!

Его можно покупать и продавать. Но что мне от того! Нужны новые люди.

...Хог был посмешищем всем горы. Он никогда не расчесывал свою бороду. У него не было женщины, даже и в к р а с и в о й. Он валялся в своей пещере целыми днями, ничего не делая, лишь изредка рыгая. Настоящий нюня.

Но даже такой нюня, как Хог, мог лаять куски медвежьего жира и бизоньего мяса на стены пещеры.

Я сделал из Хога Художника. Убедил его, что можно иметь в день до пятидесяти медведей, всего лишь лаяя медвежий жир и бизонье мясо в пещерах других людей.

Это понравилось Хогу.

Мне же понравилось другое: я не был на этот раз столь невнимателен, чтобы забыть о контракте с исключительными правами агента. Это была еще одна десятипроцентная сделка.

Хог получил свои десять процентов.

Затем я отправился к Пиканту. Придя к нему в пещеру, с отвращением уставился на картины Роача.

— Что это такое! — пробурчал я.

— Это, мой сладкий, Оригинальный Роач, — названо воскликнул Пикант. — Разве это не прелесть! Такая экспрессия!

— Р о а ч! — фыркнул я. — Ты н е с е р ь ь ь е н. Этот Неопсевдоклассикамодерн давно ушел в прошлое эпохи Бронтозавров. Ты отстал от времени, Пикант, — заявил я, попутно изобретая Художественную критику. — Художник сегодня, — конечно же, Великий Хог.

— Хог! — завизжал Пикант. — О, Хог — это просто зверь, настоящий зверь. Грубое, безмозглое создание, н а с т о я щ и й нюня. Да вся его пещера — настоящая свалка помоев.

— Согласен с тобой, — подтвердил я. — И в этом — источник его величия. Хог — величайший Помощный Художник горы.

— Сто медведей за штуку, — самодовольно заявил я. — Алколю уже заключает контракт на...

— Я уже говорил тебе, — не упоминать имени этого ч у д о в и щ а при мне! — завизжал Пикант. — Он не должен украсть у меня Оригинального Хога, ты слышишь!

Я улыбнулся Пиканту одной из своих лучших, понимающих все, агентских улыбок.

— Пикант, старина, — сказал я. — у меня к тебе есть маленькое деловое предложение...

Что ж, вот так все и завертелось. Я думаю, вы догадались, что теперь, когда Пикант делает одну из своих мебелировок в жилище какого-нибудь пещерного человека, находящегося под каблучком женщины, он всегда включает в свою работу, по крайней мере, одного Великого Хога, или, может быть, парочку самобытных Триксифов, даровитых Киутуу или неподражаемых Ларирангов... Я продаю произведения Пиканта за сто медведей, он берет с Художников двести, а те, в свою очередь... Пикант называет это «Украшением интерьера».

Я называю это «Цивилизацией». Может быть, она и протянет пару месяцев, если мне повезет.

Николай ГУМИЛЕВ

У камина

Наплывала тень... Догорал камин.

Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,

Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался вглубь неизвестных стран,

Восемьдесят дней шел мой караван,

Цени грозных гор, лес, а иногда

Странные вдали чьи-то города,

И не раз из них в тишине ночной

В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы,

Вечерами к нам подходили львы,

Но трусливых душ не было меж нас.

Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Древний я открыл храм из-под песка,

Именем моим названа река,

И в стране озер пять больших племен

Слушались меня, чтили мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна.

И больна душа, тягостно больна:

Я узнал, узнал, что такое страх,

Погребенный здесь в четырех стенах:

Даже блеск ружья, даже плеск воды

Эту цель порвать ныне не вольны...»

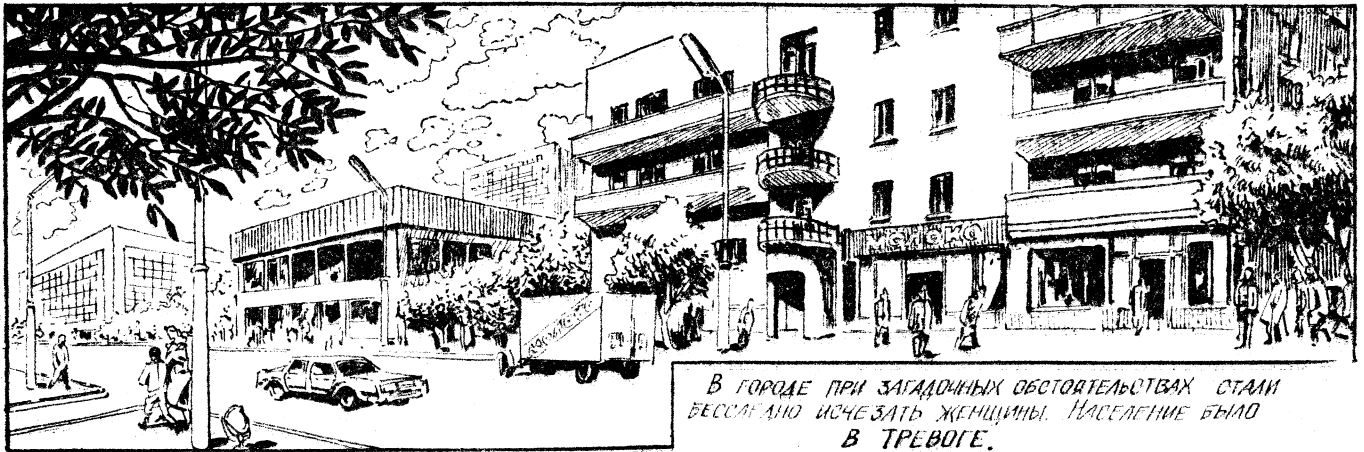
И, тая в глазах злое торжество,

Женщина в углу слушала его.

(Из книги «Чужое небо», 1912).

ЧЕЛОВЕК-ПАУК

рис. Кожедникова И.В.
текст Ермакова И.С.

В ГОРОДЕ ПРИ ЗАГАДОЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СТАЛИ БЕСЦЕЛЕННО ИСЧЕЗАТЬ ЖЕНЩИНЫ. НАСЕЛЕНИЕ БЫЛО В ТРЕВОГЕ.

МАЙОР БУГАНОВ,
Я ПОРУЧАЮ ВАМ ЭТО ЗАПУТАННОЕ ДЕЛО.

МИЛИЦИЯ ТАК И НЕ СМОГЛА НИЧЕГО ОБНАРУЖИТЬ, И ДЕЛО ПЕРЕДАЛИ К НАМ, В КГБ.

МНОГие БЫЛИ ПОХИЩЕНЫ ПРЯМО ИЗ СОБСТВЕННЫХ КВАРТИР, ПРИЧЕМ В ОСНОВНОМ С ВЕРХНИХ ЭТАЖЕЙ.

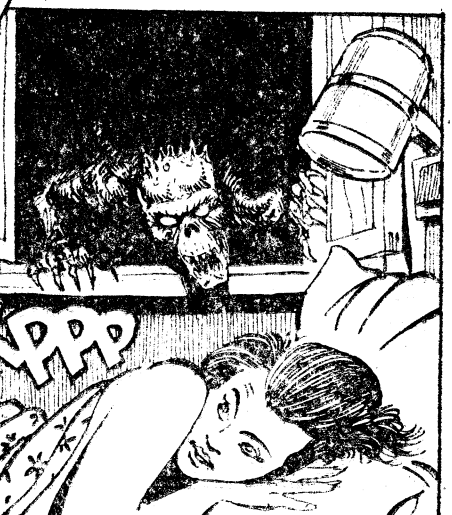

ЗНАЕШЬ, ПЕТР, ДОВСЯДНО СТРАННО, ПОХИТИТЕЛЬ ИЛИ ПОХИТЦЕЛИ НЕ ОСТАВИЛИ НИКАКИХ СЛЕДОВ

А В ЭТО ВРЕМЯ...

НО ВЕДЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЧТОБЫ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛ СВИДЕТЕЛЕЙ. ИЛИ НАС ПРОСТО ВОЗБРАТЯТЬ?

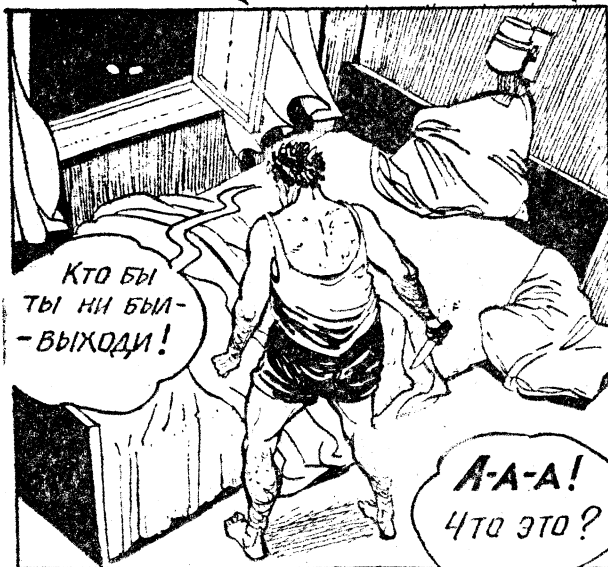
ШКРЯП

ГРЯА!

МАША! Что случилось?
ГДЕ ТЫ?
Что происходит?!

КТО БЫ
ТЫ НИ БЫЛ -
ВЫХОДИ!

А-А-А!
Что это?

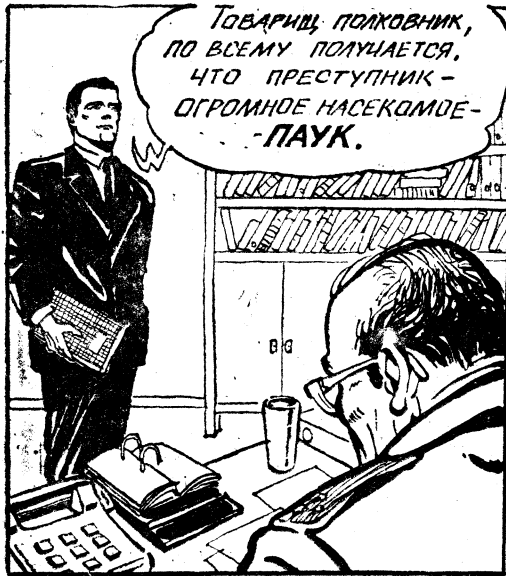

БАЦ!

ПВАШ

Сейчас ты все
узнаешь и заплатишься
за свой удар!

ТОВАРИЩ ПОЛКОВНИК,
ПО ВСЕМУ ПОЛУЧАЕТСЯ,
ЧТО ПРЕСТУПНИК -
ОГРОМНОЕ НАСЕКОМОЕ -
ПАУК.

ЧТО-О, ПАУК?!
ВЫ УВЕРЕНЫ?
ТОГДА ЕГО НАДО
БЫСТРЕЕ ИЗЛОВИТЬ!

НЕ ТАК-ТО
ПРОСТО.
НО МЫ
ВЫШЛИ НА
ЧЕЛОВЕКА,
КОТОРЫЙ
ИМЕЕТ ПРЯ-
МОЕ ОТНОШЕ-
НИЕ К ЭТОМУ
ДЕЛУ.

СООБЩЕНИЕ О ЧУДОВИЩНОМ МОНСТРЕ БЫЛО
ОПУБЛИКОВАНО ГОРДО ЗАМЕР.

МАЙОР БУГАНОВ
ПРИЕХАЛ В ИНСТИ-
ТУТ БИОЛОГИИ.

ВОТ ПРОФЕССОР
ГОРБОВСКИЙ. ОН ЗАНИМА-
ЕТСЯ ПАУКАМИ И МОЖЕТ
ВАМ ПОМОЧЬ.

СПАСИБО.
ПРОФЕССОР ГОРБОВСКИЙ,
Я БЫ ХИТЕЛ С ВАМИ
ПОГОВОРИТЬ.

МАЙОР БУГАНОВ, КГБ.
ВЫ, НАВЕРНОЕ, СЛЫШАЛИ О ПАУКЕ,
ТЕРРОРИЗИРУЮЩЕМ ГОРДО?

ВАМ СООБЩИМ, ЧТО Я ЯКОБЫ
БОЛЬШОЙ СПЕЦИАЛИСТ ПО ПАУ-
КАМ? НА САМОМ ДЕЛЕ Я
ФИЛОСОФ.

А ПАУКИ ЛИШЬ МОЕ
ХОББИ. НЕ В ПАУКЕ, А В ФИ-
ЛОСОФИИ ВСЯ СИЛА Я ВОобще
НЕ ВЕРЮ В ПАУКА, КОТОРОГО
ВЫ ИЩЕТЕ!
НО Я СОГЛАСЕН ВАС ПРОКОН-
СУЛЬТИРОВАТЬ, ТОЛЬКО ЗАВТРА.

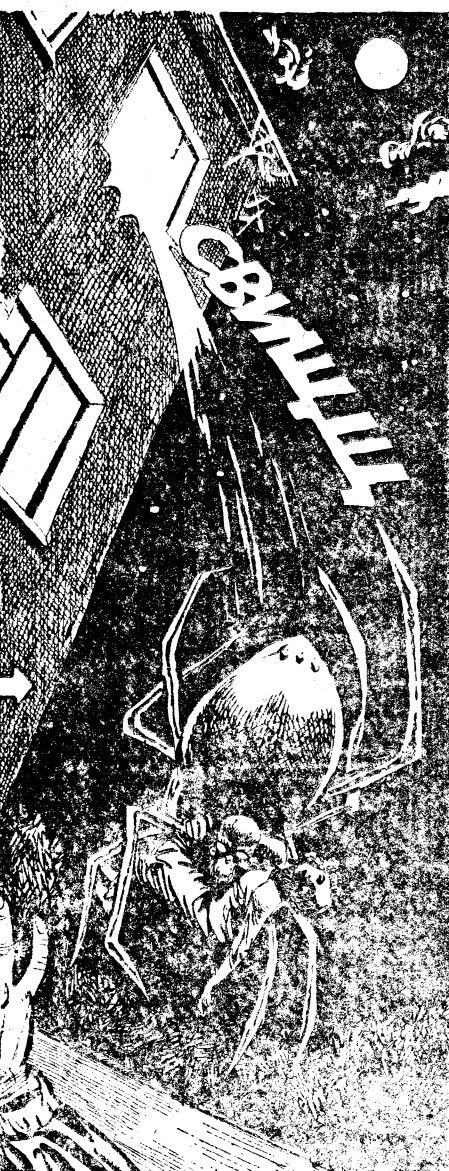
ЗНАЧИТ, ДОГОВОРИЛИСЬ. МЫ
РАССЧИТЫВАЕМ НА ВАС.

ДО
ЗАВТРА,
МАЙОР.

БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ.

В ПОЛНОЧЬ ПАУК ПОКАЗАЛСЯ НА КРЫШЕ БОЛЬНИЦЫ

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, ПРОФЕССОР. Но я пришла не за консультацией. Где вы были сегодня ночью? Вы вернулись домой под утро?!

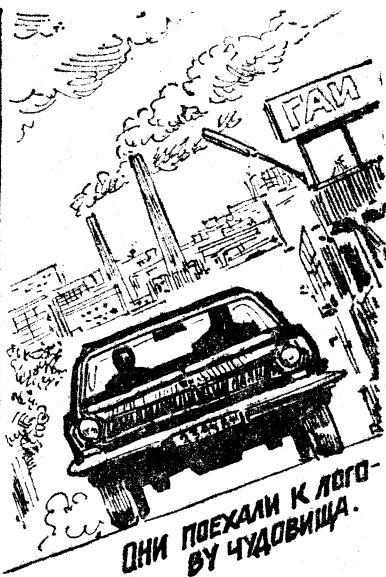
ОТВЕЧАЙ, СКОТИНА! Твоя жена была ночью похищена из больницы! Я знаю, что ты причастен и к исчезновению другой женщины, к убийству ее мужа. Я уверен, что в той комнате была твоя кровь, это докажет экспертиза !!!

УМДЛЯЮ, НЕ НАДО ЭКСПЕРТИЗЫ! Там не моя кровь. Я действительно виноват, только не в том, в чем вы меня обвиняете!

Да, поверьте, я говорю правду! Это сделал не я, а МАУК. Я виноват лишь в том, что, создав его в тайне, потерял над ним контроль. Хотите, я покажу вам его гнездо?

Они поехали к логову чудовища.

Хорошо что вы согласились ехать один, майор. Иначе бы ваши тупицы сразу уничтожили плод моей многолетней работы.

Только без шуток!

Так вот то место, где находятся останки несчастных женщин. А где же ваш МАУК, профессор?

Не все сразу, майор. Сейчас я включу освещение.

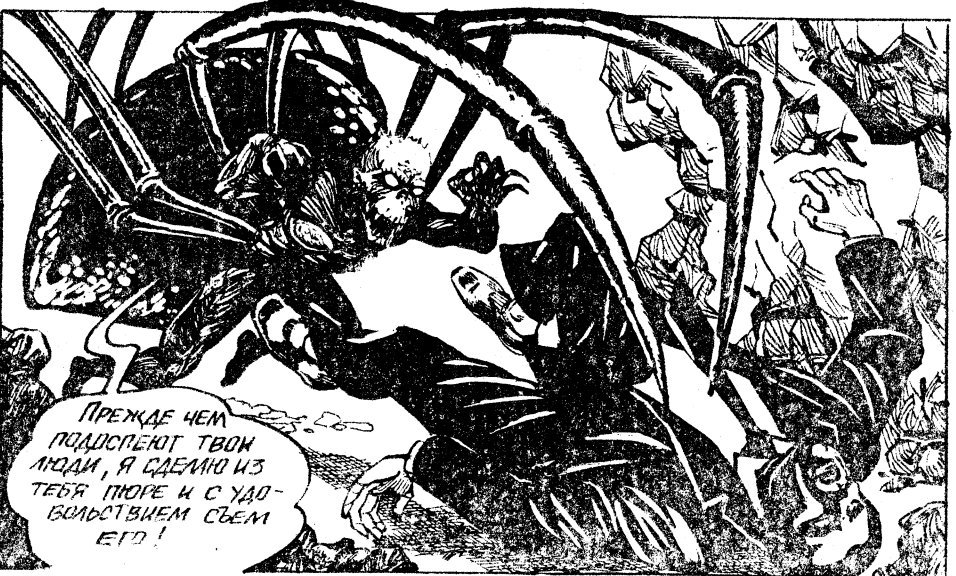
ИТАК, ТЕПЕРЬ ВЫ ВСЕ СМОЖЕТЕ РАССМОТРЕТЬ И ПОМЯТЬ. ВООБЩЕ-ТО, НИКАКОГО ГИГАНТСКОГО ПАУКА НЕТ И БЫТЬ НЕ МОЖЕТ. ОДНАКО ОН ЕСТЬ, И Я ПОКАЖУ И ОБЪЯСНЮ ЭТОТ ПАУКА. ВЫ, НАВЕРНО, СЛЫШАЛИ ОБ АНУРВЕДЕ, ТЕЛЕПАТИИ, ЛЕВИТАЦИИ И Т.Д. ТАК ВОТ, Я ОТКРЫЛ, ЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

СОЗНАНИЕ В ГОРАЗДО БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ОПРЕДЕЛЯЕТ БИТИЕ, ЧЕМ СЧИТАЮТ ДАЖЕ САМЫЕ ЯРНЕ ИДЕАЛИСТЫ. Я ДОБЫЛ МНОГОГО, НО МНЕ ХОТЕЛОСЬ БОЛЬШЕГО. ОДНАЖДЫ Я ЗАСМОТРЕЛСЯ НА ПАУКА, НЕ ЗНАЮ, СКОЛЬКО ЧАСОВ Я НА НЕГО СМОТРЕЛ, НО ВАРУГ Я ОЩУТИЛ СЕБЯ НА ЕГО МЕСТЕ, В ВЕРХНЕМ УГЛУ КОМНАТЫ. Я СНИЛСЯ С ПАУКОМ ВЕДИНОЕ-

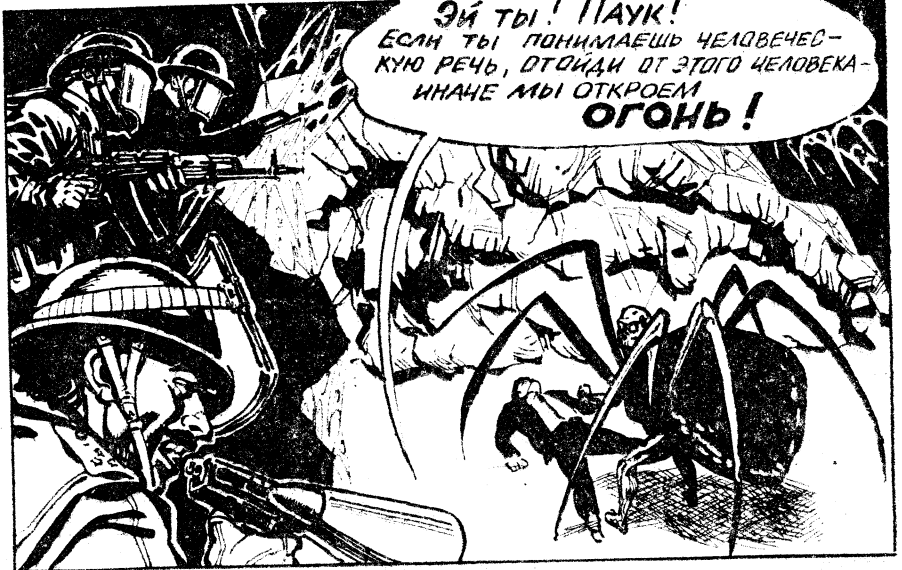
ЦЕЛОЕ! Я ХОТЕЛ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАТЬ ДАЛЬШЕ, В НОВОМ ОБЛИКЕ ВСТУПИТЬ В СВЯЗЬ С ЖЕНОЙ, НО ОНА ПРИШЛА В УЖАС. ТОГДА Я СТАЛ КРАСТЬ ДРУГИХ ЖЕНЩИН, НО ОНИ СПОДЯМИСЬ ЛИШЬ НА ПИТАНИЕ. ОТ ЖЕНЬКИ Я ИЗБАВИЛСЯ, ТЫ ОДИН ЗНАЕШЬ МОЮ ТАЙНУ И УНЕСЕШЬ ЕЕ С СОБОЙ В МОГИЛУ!

НИ С МЕСТА!
ЭТО НАУТ МОИ ЛЮДИ. СНАЧАЛА РАССКАЗ ТВОЕЙ ЖЕНЫ ПОКАЗАЛСЯ МНЕ БРЕДМ. НО Я РЕШИЛ ПРОВЕРИТЬ ЭТОТ ВАРИАНТ. И ОКАЗАЛСЯ ПРАВ. ПОСЛЕ ТОГО, КАК ТЫ УБРАЛ ЕЕ И ИСПЫТАЛСЯ СДАТЬ АНАЛИЗ КРОВИ, Я ПОЛНОСТЬЮ УВЕРИЛСЯ, ЧТО ПАУК ЭТО ТЫ. НО НАДО БЫЛО, ЧТОБЫ ТЫ САМ СЕБЯ РАЗОБЛАЧИЛ, И ТЫ ПОДАЛСЯ НА ЭТУ УЛОВКУ!

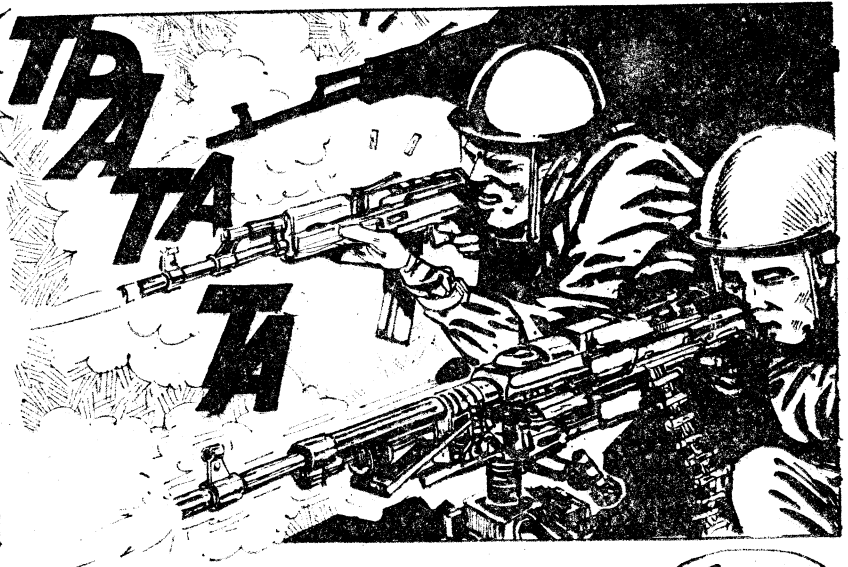
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОДАДЮТ ТВОИ ЛЮДИ, Я СДЕЛЮ ИЗ ТЕБЯ ПЛОРЕ И С УДОБНОСТВИЕМ СЪЕМ ЕГО!

Эй ты! Паук!
Если ты понимаешь человеческую речь, отойди от этого человека - иначе мы откроем огонь!

ГРЯАА!!! Как же я ненавижу вас, убогие тупые твари! Я все равно убью его!

ТА
ТА
ТА

Готов!
Но жив ли майор?

Слава богу, что вы успели вовремя...

МЕГРЭ И ДЕВУШКА ЖОРЖ СИМОНОН

Художник
О. Щербакова

провел ночь в своем кабинете, который был полон теперь голубым дымом его трубки. Светало. Мегрэ посмотрел в окно. Он увидел мокрую от дождя набережную. Еще горели уличные фонари. Комиссар вспоминал, как в этом самом кабинете проходили многочисленные допросы. Они тоже заканчивались на рассвете, когда и допрашивающий, и виновный были вымотаны и измучены до предела.

В соседнем кабинете раздался телефонный звонок. Сначала Мегрэ не обратил на него внимания, но затем вспомнил, что дежурный вышел выпить горячего кофе. В здании было пусто и полутемно. Мегрэ вошел в соседний кабинет, снял трубку:

— Алло!

— Это ты! — прозвонил мужской голос.

Вместо того, чтобы ответить «нет», Мегрэ, поперхнувшись трубочным дымом, выдал нечто неопределенное:

— Говорит Пьер. Сообщили с сигнального поста, что в гостинице «Полярная звезда» только что совершено убийство. Принимите меры.

Мегрэ оставалось два дня до отставки...

Комиссар набил трубку и вернулся в

свой кабинет. У него не хватило духа снова заняться бумагами, и мгновенно спустя он уже надевал свой котелок, тяжелое пальто с бархатным воротником и спускался по лестнице.

Шесть утра. Новость по телефону передали быстро, и, когда Мегрэ вышел из такси на улице Мобёж, в двух шагах от Северного вокзала, у дверей гостиницы «Полярная звезда», которую охранял полицейский, еще никого не было.

— Муниципальный комиссар пришел!

— Нет еще, за ним послали домой.

— А врач!

— Только что поднялся.

Типичная привокзальная гостиница. Справа от двери, в небольшом закутке, Мегрэ заметил неубранную кровать, здесь, по-видимому, помещался ночной портье. Серое дождливое утро подчеркивало чистоту простыней.

Преступление произошло на третьем этаже, в номере тридцать вторым. На лестнице, соединяющей этажи, потертый ковер, укрепленный медными стержнями. Поднимаясь по лестнице, Мегрэ почти столкнулся с девушкой в темном английском костюме, которая спускалась ему навстречу.

— Муда вы идете! — спросил он машинально.

— На поезд.

— Вернитесь в свой номер.

— Но...

— Я — комиссар полиции Мегрэ. Никто не выйдет из гостиницы без моего разрешения. У двери стоит полицейский.

Девушка резко отстранилась от комиссара и быстро ушла вверх.

В начале расследования Мегрэ обычно бывал хмурым. На этот раз он вдобавок еще и не спал. Открылась дверь тридцать второго номера, наспех одетый мужчина, без галстука, в домашних тапочках на босу ногу, спросил:

— Извините, вы из полиции!

— Да, судебная полиция. Комиссар Мегрэ.

— Входите, пожалуйста... Я хозяин гостиницы. Она принадлежит мне вот уже пять лет, но такое, такое, знаете, случилось впервые... И так страшно, неожиданно, неслучно. Я, признаться...

Мегрэ не слушал. С хозяином все было ясно: худой, болтливый тип, который вложил небольшую ежемесячную сумму в эту пресловутую недвижимую и надеется выжать из нее все, что удастся.

Мегрэ прошел в номер. Врач надевал пальто. На кровати лицом вниз лежал голый мужчина. На его спине, на уровне сердца, можно было видеть широкую рану.

— Смерть!

— Почти мгновенная...

Врач указал на большую лужу крови на полу, около двери.

— Он прополз до этого места, чтобы позвать на помощь.

Хозяин пояснял:

— Будильник прозвенел, как всегда, в половине шестого. Наши постояльцы, как правило, уезжают и, следовательно, встают рано. Я услышал звук открывающихся дверей.

— Минуту... Дверей или двери!

ДВА слышный звонок телефона стал причиной участия Мегрэ в этой запутанной истории.

Через два дня комиссар выходил в отставку и за это время хотел привести в порядок свои дела и отобрать личные бумаги. Тридцать лет он прожил в этом здании на набережной Орфейер, где все занулки ему были памятливы и знакомы. Он не спешил с уходом на пенсию, но сейчас считал оставшиеся часы и в мыслях видел свой дом на берегу Луары, где мадам Мегрэ готовила все к его приезду.

Чтобы никто ему не мешал, Мегрэ

— Мне кажется... Не знаю точно... Была суматоха...
 — И шаги!
 — Шаги! Да, совершенно точно.
 — В коридоре или на лестнице!
 — Не знаю...
 — Подумайте... Шаги по камням и шаги по паркету звучат по-разному.
 — Может быть, были и те, и другие... Но что меня поразило, так это хриплый мужской крик... Я надевал брюки... Открыл дверь и...
 — Извините! Где вы ночуете!
 — На втором этаже, там есть небольшая номер, который нельзя сдавать, потому что он освещается только через слуховое окно.
 — Продолжайте!
 — Это все. Я прибежал. Постояльцы приоткрывали двери номеров. А эта дверь была широко распахнута, и на пороге, держась за косяк, стоял на коленях мужчина, истекающий кровью...
 — Он был без одежды!
 — Это я снял с него пиджаму, — вмешался врач.
 — Удар ножом! — спросил Мегрэ.
 — Да, оружие с широким лезвием. Наконец подошел сотрудник муниципальной полиции и, увидев Мегрэ, как-то сразу насупился.

Драмы в гостиницах внушали комиссару отвращение. Он уже сожалел, что так скоропалительно принял сообщение по телефону, которое ему не предназначалось. Постояльцы выражали свое нетерпение:
 — Извините, господин комиссар... Вот мои документы... Я человек уважаемый в Белье... Мне нужно быть в Брюсселе в полдень, а мой поезд...
 Комиссар мог только отвечать:
 — Сожалее!
 Кто-то возмущался, некоторые женщины, после неудачной попытки использовать свое очарование, плакали.
 — Если мой муж узнает, что я ночевала в этой гостинице...
 — Потерпите, мадам!
 В конце концов Мегрэ рассердился, так как постояльцы забили коридоры, и заставил каждого вернуться в свой номер и закрыть дверь.
 У него оставалось около четверти часа, чтобы закончить работу. С минуты на минуту должны появиться специалисты для судебного опознания с аппаратами и приборами. Потом наступит очередь судебного следователя, заместителя прокурора, судебно-медицинского эксперта.
 — Это его вещи! У него не было других!
 Хозяин отрицательно покачал головой. В углу стоял чемоданчик. Открыв его, Мегрэ нашел там предметы туалета и сменное белье. На вешалке висели костюм стального цвета, великолепного покроя пальто с хлястиком и фетровая шляпа с инициалами «Ж.Б.».
 В бумажнике была визитная карточка: «Жорж Бомпар. Улица Миромений, 17, Париж». Деньги, за исключением мелочи в карманах, не удалось обнаружить.
 Когда тело убитого перевернули на спину, Мегрэ увидел, что перед ним мужчина лет сорока пяти, холерный, с тонкими чертами лица. Седые, с сереб-

ринным оттенком волосы придавали ему, по контрасту, молодежавый и благородный вид.
 — Принесите его регистрационную карточку!
 Что ж, карточка с тем же самым адресом, заполнена на то же имя.
 — Он прибыл один!
 — Я спрашивал об этом у портье, так как Бомпар приехал ночью. Он был один.
 — Где портье!
 — Ждет внизу.
 — Скажите ему, чтобы не уходил из гостиницы до конца расследования.
 В то же мгновение Мегрэ нагнулся и поднял шелковый чулок, который лежал за ножной кровати.
 — Принесите мне список приезжающих, особенно меня интересуют женщины.
 Шелковый чулок был снят наспех и его уронили на пол, как это бывает, когда спешат раздеться. Чулок телесного цвета, среднего качества, небольшого размера.
ОСТАВИВ полицейского комиссара, Мегрэ вышел из комнаты, по-прежнему в пальто, шляпе, с трубкой в зубах.
 — Здесь! — спросил Мегрэ, указав на первую дверь.
 — Мадам Женевьева Бланшэ, сорок два года, вдова, живет в Компьене, — ответил хозяин.
 — Войдем!
 С первого взгляда Мегрэ констатировал, что мадам Бланшэ носит нитяные, а не шелковые чулки. Но это не помешало ему внимательно осмотреть ее вещи и всю комнату.
 — Вы ничего не слышали!
 Женщина покраснела. Комиссар ждал, чтобы она заговорила.
 — У меня было впечатление... Знаете... Перегородки такие тонкие... Мне показалось, что этот господин был не один, и что он, что они...
 — Занимались любовью в соседней комнате! — уточнил Мегрэ, который не выносил слишком стыдливых женщин.
 В соседней комнате две старые англичанки заставили Мегрэ задуматься: у них нашлось много пар шелковых, совершенно новых чулок. Женщины собирались тайком перевезти их через границу для своей племянницы.
 Гостю из Швейцарии с сомнительными документами Мегрэ отправил к муниципальному комиссару для дальнейшего преловождения в полицию с целью выяснения личности.
 Время шло, а Мегрэ все не мог обнаружить второй чулок. Но вот он добрался до девушки в английском костюме, которую уже встречал сегодня на лестнице. Он глянул на ее ноги и удивился:
 — Смотри-ка! Вы ходите без чулок!! В такое время года!
 Март был особенно холодным.
 — Я никогда не ношу чулки.
 — У вас есть с собой вещи!
 — Нет!
 — Вы заполнили регистрационную карточку!
 — Да.
 Карточка была на имя Селины Жер-

ман, без профессии, проживающей из улице Соль в Орлеане.
 — Вас зовут Селина Жерман!
 — Да.
 Мегрэ посмотрел на нее внимательно, так как в ее ответе почувствовал какую-то агрессивную четкость.
 — Возраст!
 — Девятнадцать!
 — Вы уверены, что никогда не носите чулки!
 Комиссар осмотрел комнату, перетряхнул постель, открыл ящики гардероба и неожиданно приказал:
 — Поднимите юбку!
 — Что!! Вы сошли с ума!
 — Я прошу вас поднять юбку.
 — Надо же! Вы не боитесь, мерзавец, что я буду на вас жаловаться!
 — В этой гостинице убит мужчина, и я занимаюсь расследованием, — проговорил Мегрэ. — Если можно, быстрее!
 Девушка побледнела. Ее большие глаза выражали презрение и бешенство.
 — Поднимите ее сами, если вам так хочется, — заявила она. — Я вас предупреждаю, что буду жаловаться.
 Мегрэ подошел к девушке, прикоснулся к ее бедрам.
 — Вы носите пояс, — проговорил он.
 — Ну и что!
 — Вы прекрасно знаете, что этот узкий пояс — для чулок.
 — А вам какое дело! Я одеваюсь, как хочу...
 — Где второй чулок!
 — Я ничего не знаю...
 Хозяин гостиницы с удивлением слушал странный диалог.
 — Найдите мне кусок проволоки, — сказал Мегрэ ему. Загнув проволоку крючком, он, как и предполагал, из трубы умывальника вытащил шелковый чулок, свернутый в комочек.
 — Идем, малышка! — приказал он, не высказывая удивления. — Нам будет удобней объясняться в моем кабинете.
 Мегрэ остановился на минуту перед номером тридцать два, приоткрыл дверь:
 — Я еду на набережную Орфевр. — сообщил он судебному следователю, который только что подошел.
 В этот момент девушка попыталась убежать. Комиссар быстро схватил ее за рукав, тогда она свободно рукой принялась царапать ему лицо.
 — Ну-ну! Спокойно...
 — Отпустите меня, отпустите! Вы грязный тип! Вы хотели меня раздеть... Вы задрали мне юбку. А теперь вы мстите за то, что я вам не позволила...
 Открывались двери, в них появлялись ошеломленные лица, и только Мегрэ оставался невозмутимым, крепко держа девушку за руку. Он вел ее к лестнице, а она продолжала визжать:
 — На помощь! Я не виновата! Со мной расправляются!
 Возможно, она надеялась на поддержку плохо осведомленной тельки, как это часто бывает. У Мегрэ, в начале его карьеры, был случай, когда его избили, потому что вор, которого он задержал при выходе из магазина, начал кричать: «Караул! Грабят!»
 Наконец дверца такси захлопнулась. Комиссар поправил свою шляпу, искоса взглянул на задержанную. Она тяжело

дышала.

— Не часто встречаются такие скверные девицы, — констатировал он.

— А я никогда не видела скотины, подобной вам!

Вот так хорошо! Первый раз, когда он столкнулся с ней на лестнице, то принял ее, молоденькую, хрупкую, в костюме цвета морской волны, за девушку из хорошей семьи. В номере, наоборот, она показалась грубой и циничной, как проститутка.

Сейчас она снова меняла свою тактику, сказав:

— Если вы знаменитый Мегрэ, то я вас не поздравляю. Я считала вас более хитрым.

Он зажег свою давно погасшую трубку. Девушка вздохнула:

— Я ненавижу дым!

— Но это не мешает вам иметь в сумочке папиросы!

— Каждому приятен свой дым! Ваш мне не нравится!

Он продолжал курить, искомса наблюдая за ней: девица вполне могла открыть дверцу и выскочить из такси.

— Как давно! — вдруг спросил комиссар.

— Что!

— Как давно вы занимаетесь этим ремеслом!

Ему показалось, что улыбка проскользнула по ее тонким губам.

— Это вас интересует!

— Как хотите! Надеюсь, в моем кабинете вы будете более благоразумны. — Вы снова захотите посмотреть мой пояс!

— Вполне возможно.

Дождь лил по-прежнему, но улицы Парижа оживились. Такси замедлило ход и выехало на улицу Орфевр.

Мегрэ еще не отдавал себе отчета, доволен ли он, что утром принял телефонное сообщение. Во всяком случае, ему был интересен маленький феномен, застывший в напряженной позе около него. Между ними начался довольно странный поединок. По крайней мере, любопольствие друг к другу было у обеих сторон.

— Вы будете допрашивать меня часами, не давая им пить, ни есть!

— Вам этого очень хочется!

— Я должна сразу вас предупредить, что это меня не пугает. Мне не в чем себя упрекнуть. И все то, что вы мне сделаете, обернется однажды против вас.

— Решено!

— Что вы имеете против меня!

— Еще не знаю.

— Тогда позвольте мне уехать. С вашей стороны это будет самое умное.

Такси остановилось во дворе судебной полиции. Мегрэ вышел из машины и собрался вынуть бумажник, чтобы заплатить. Его взгляд встретился с глазами девушки. Он понял, что она ждала этого жеста, чтобы сделать последнюю попытку убежать, и сказал шoferу:

— Я пришло человека с деньгами.

Здание на набережной Орфевр заполнялось служащими. Мегрэ открыл дверь своего кабинета, пропустил туда Селину Жерман и, закрыта снаружи дверь на ключ, отправился к начальнику.

Они обсуждали дело минут десять, обо всем договорились, после чего Мегрэ заказал у официанта кофе и булочки для двоих.

Наконец он вернулся, открыл дверь и замер на пороге: на полу валялись измятые, порванные документы, осколки оконного стекла, куски разбитого бюста.

Девушка же сидела в его собственном кресле и с вызовом глядела на комиссара!

— Я вас предупреждала! — произнесла она. — И я вас ставлю в известность, что это еще не все!

ЭТО был один из тех допросов, которые совершенно не оправдали надежд Мегрэ. Мегрэ удручала сама обстановка: разорванные бумаги, куски гипса на полу, а также то, что оба — и комиссар, и задержанная девушка — провели накануне бессонную ночь.

Войдя в кабинет, Мегрэ, не дрогнув, направился к своему креслу, схватил Селину Жерман за руку, проговорил тихо:

— Вы позволите!

Она послушно встала и пересела на место, которое он ей указал, лицом к окну. Предполагала ли она, что скажет ей комиссар! Во всяком случае, девушка была сбита с толку, так как Мегрэ сначала тщательно набил свою трубку, потом разжег камин, очинил карандаш и, наконец, открыл дверь официанту, который принес завтрак на двоих.

— Вы хотите завтракать! — оборотал он, обращаясь к Селине.

— А молока нет! — кисло спросила она.

— Я подумал, что для бодрости лучше черный кофе.

— Я не выпью кофе без молока.

— Ну тогда не пейте!

Девушка все же выпила кофе. Она пыталась привыкнуть к угрожающему спокойствию Мегрэ, который, подкрепившись, сиял телефонную трубку:

— Алло! Соедините с уголовным розыском в Орлеане. Орлеан! Гоберит Мегрэ. Дайте мне, пожалуйста, справку... Если будет необходимо, я попрошу вас провести отдельное следствие... Речь идет о некоей Селине Жерман. Она живет на улице Соль в вашем городе...

Ему показалось, что по лицу девушки пробежала улыбка. В то же мгновение он нахмурил брови:

— Что! Вы уверены! И в предместье Орлеана тоже нет!

Мегрэ повесил трубку, долго и пристально смотрел на Селину, потом вздохнул:

— Где ты живешь!

— Нигде.

— Где познакомилась с Жоржем Бомпаром!

— На улице.

Итак, война была объявлена, и каждый держался настороже. А за окнами по-прежнему лил дождь, время от времени слышался сигнал буссира, проезжающего под аркой моста...

— На какой улице!

— На Монмартре.

— Ты повела кого-нибудь!

— Ну и что!

— В котором часу!

— Не знаю.

— Ты пошла с ним в гостиницу!

Она заколебалась, поняла, что комиссар знает, что ее спутник вернулся один, уточнила:

— Я зашла в гостиницу немного раньше, сняла комнату: он так решил.

— Где ты родилась!

— Это никого не касается.

— У тебя никогда не было неприятностей с полицией нрево!

В этот момент в дверь постучали, и вошел инспектор Жанье. Он не решался начать разговор при Селине. Мегрэ сделал разрешающий жест.

— Я с улицы Мирюменталя. Жорж Бомпар действительно живет там в течение пятнадцати лет, занимает двухкомнатную квартиру на шестом этаже, окнами во двор. Платит исправно по две тысячи франков. Консервжка считает, что он почти там не живет: Бомпар занимается торговлей и без конца разъезжает.

Мегрэ почувствовал, что девушка нахмурилась, хотела что-то сказать, но передумала и снова приняла безучастный вид.

— Продолжай!

— Это все. Бомпар ушел из дома вчера утром.

— Ему никто не звонил!

— У него нет телефона.

— Больше ничего!

— Больше ничего, кроме личного впечатления: это, вероятно, был весьма малый, если судить по фотографией женщины, которыми оклеены все стены...

— А портрета этой ты не видел!

— Трудно вспомнить... По-моему, нет.

— Собери все фотографии и письма, если они есть.

Когда Жанье ушел, Мегрэ снова занялся каминном, потер лоб, зевнул.

— Так ты утверждаешь, что ничего не знаешь, что тебя зовут Сесиль Жерман, ты занимаешься проституцией. Бомпар к тебе пристал на улице и привел в гостиницу...

— Не сразу. Мы сначала отправились танцевать в ночное кафе.

— Ну, а как вы оказались в гостинице!

— Я пришла к нему в номер, как мы договорились заранее. Мы легли...

— Я знаю. Соседка слышала.

— Надо же, какая развратница! встала, чтобы послушать! Может быть, она и через замочную скважину смотрела!

— А потом! Кто-то вошел!

— Я не знаю... Я вернулась к себе в комнату.

— В рубашке!

— Я была полураздетая. Должно быть, забыла свой чулок под кроватью. Я не слышала, чтобы кто-то кричал. Меня разбудили шаги в коридоре и хлопанье дверей. Когда я узнала, что произошло, то испугалась, что меня могут обвинить, и попыталась уйти. Но вы мне помешали. Я вспомнила о забытом чулке и засунула его в умывальник... Вам этого хватит!

Мегрэ встал, надел шляпу, оставив пальто на вешалке, открыл дверь и сказал:

— Иди!

Следуя за девушкой, он пересек мно-

гочисленные коридоры, по узкой лестнице добрался до кабинета судебного опознания, где проходят антропометрию все те, кого арестовали в течение ночи.

Это был женский час. Оставалось еще около двенадцати женщин, в основном проститутки низшего ранга, которые привыкли к этой процедуре и раздевались сами.

Тот, кто не знал Мегрэ, принял бы его в этот момент за человека без принципов, занимающегося случайным ремеслом.

— Раздевайся, — вздохнул он, снова закивая свою трубку, — но при этом отвернулся, чтобы арестованная не увидела его странной улыбки.

— Что! Раздеться догола!

— Да, черт подери!

Он догадывался о ее внутренней борьбе и ждал ее действий с некоторой тревогой. Наконец, она буквально сорвала с себя костюм, кремовую блузку и села, чтобы снять обувь.

Опустив глаза, комиссар мог видеть, что руки Селины дрожали, и готов был прекратить это мучение:

— Ты по-прежнему настаиваешь, что занимаешься проституцией?

Она проронила «да» сквозь зубы и продолжала раздеваться.

— Теперь становись в очередь... Тебя сейчас будут осматривать.

Мегрэ взял ее одежду и отнес в лабораторию, где специалисты должны были проверить кое-какие догадки.

— Скажи-ка, Элуа, что ты думаешь об этих тряпках!

Высокий молодой человек внимательно осмотрел английский костюм, пощупал его как знаток, посмотрел этикетку.

— Костюм фирмы Бордо, сукно превосходного качества, изысканный фасон. Одежда молодой женщины из хорошей семьи.

— Спасибо.

Когда Мегрэ вернулся к женщинам, он услышал громкий спор, а немного погодя фотограф из отдела судебного опознания пожаловался ему:

— Ничего не могу поделать! Каждый раз, когда я хочу сделать снимок, она закрывает глаза, надувает щеки, кривит рот, то есть делает все, чтобы ее не узнали.

— Пусть одевается, — уступил Мегрэ с некоторой усталостью в голосе. — Ты, конечно, не нашел карточку с отпечатками ее пальцев!

— Нет. Она никогда не имела дела с полицией. Смотрите, вон врач вас ищет. Это был молодой врач, которого Мегрэ хорошо знал. Мужчины, в уголке, поговорили шепотом. Когда они кончили, появилась девушка в костюме, такая бледная, что комиссар пожалел ее.

— Вы решились говорить!

— Мне нечего сказать.

ОНИ снова были в кабинете Мегрэ, и, удивительное дело, между комиссаром и девушкой установилось нечто вроде близости. Они, конечно, не стали друзьями, скорее, наоборот, но уже не казались такими чужими друг другу.

— Вы знаете, что сказал мне доктор!

Она покраснела и чуть не расплакалась.

— Я предполагаю, что вы догадываетесь, — продолжал Мегрэ. — Еще месяц назад...

— Да замолчите же!

— Признайтесь, что месяц назад вы были еще девственницей! Я хотел также, чтобы вы сообщили мне свое настоящее имя.

Она попыталась придать голосу иронию.

— Теперь вы сами ставите вопросы — сами и отвечайте на них!

— Это точно! Я буду спрашивать и отвечать. Точнее: я попытаюсь восстановить события. Итак, вы живете в провинции, я еще не знаю, где, но, возможно, в районе Бордо...

От Мегрэ не ускользнуло, что девушка выразила некоторое удовлетворение: значит, она жила в другом городе.

— Вы были панькой и, вероятнее всего, жили с родителями... В вашу жизнь вошел Жорж Бомпар... Он начал ухаживать за вами... Вы отдалась ему...

Она отвернулась, понимая, что он внимательно следит за ее реакцией.

— Вы создали популярный роман! — насмешливо спросила Селина.

— Почти, так как сейчас мы подходим к моменту...

— Когда Жорж мне сообщает, что мы должны расстаться. Я его убиваю, а затем прячу нож... Да, а где я могла бы спрятать нож!

— Извините, а кто вам сказал, что Бомпар убит ножом!

— Но... в коридоре об этом говорили...

— В таком случае, поскольку вы так красноречивы, то продолжайте и скажите, куда вы действительно спрятали нож...

— А вы действительно считаете себя сильным, комиссар!

— В чем я совершенно уверен, так это в том, что вы очень сильны! Вытерпеть сегодня утром осмотр среди проститутки, но не признаться...

— Как вы наивны!

— Потому что...

— Потому что тот факт, что месяц назад я была еще девушкой, ничего не доказывает... Долго вы еще собираетесь меня допрашивать!

— Столько, сколько будет необходимо! Кстати, хочу вам сказать, что на том самом стуле, три года назад, один мужчина просидел тридцать семь часов. Он пришел как свидетель, а ушел в наручниках.

На лице Селины появилась гримаса презрения.

— Как хотите, — проронила она. — Я терпеливо жду ваших вопросов... Вы начали с того, что пощупали мои бедра. Затем вы нашли способ увидеть меня обнаженной. Не являетесь ли вы просто очень порочным человеком!

Мегрэ ничего не ответил, но, возможно, чтобы ее наказать, он минут пятнадцать молчал и перебирал какие-то бумаги.

— Сколько Бомпар дал вам за ночь! — спросил он, неожиданно подлизав голову. — Поскольку он вас нашел на улице, то совершенно естественно...

— Да, он мне заплатил тысячу пять

франков.

— Действительно, в вашей сумочке есть билет в тысячу франков. Другие клиенты были столь же щедры!

— По-разному...

Мегрэ охотно бы дал ей пощечину, хотя редко выходил из себя. За тридцать последних лет работы только один из преступников, бывший юрист, закончивший свою карьеру преступлением, оказался настолько изворотливым, что Мегрэ вынужден был выходить из кабинета, чтобы скрыть свое негодование.

Но в данном-то случае перед ним была девчонка! Она сказала, что ей девятнадцать, но он не удивился бы, узнав, что ей семнадцать!

Допрос шел уже несколько часов, а он так ничего и не успел узнать, даже имени и места рождения. Она откровенно лгала, не пытаясь это особенно скрывать. Она как будто говорила: «Я не обязана вам говорить правду, если можете, ищите сами».

Жанвье вернулся с улицы Миромениль с папкой фотографий, некоторые из них были более чем откровенны. Мегрэ медленно рассматривал одну за другой, наблюдая холодное бешенство девушки.

— Ревнуешь! — спросил он.

— Ревнуешь ночного клиента!

Ни одна фотография не походила на Селину.

Сведения о Бомпаре оказались более чем скудными. Нашли фирму, которая пользовалась его услугами, — музыкальное издательство на бульваре Малерб. Издатель сказал о Бомпаре:

— Он был своеобразным человеком и превосходным работником. У него были свои странности, например, он без конца менял свои маршруты. Любил окружать себя ореолом таинственности. Его считали очковидителем. Он рассказывал нам, что происходил из знатной семьи. Одевался с педантичной аккуратностью и оригинальностью, которые в его профессии казались излишними.

В три часа дня кабинет Мегрэ находился в прежнем беспорядке. Прибавились еще пивные кружки на столе, остатки бутербродов, пепел от трубки окурки папирос. Ситуация сложилась на грани смешного. Это стало известно мнгим, и коллеги то и дело заглядывали в кабинет Мегрэ под разными предлогами.

В гостинице «Полярная звезда» лучший сотрудник Мегрэ, бригадир Люка, вел углубленное дознание, но нож все еще не был найден. Таким образом, что же известно: после трех часов пополуночи некая Селина позвонила в гостиницу и попросила номер на оставшуюся часть ночи. Минут через пятнадцать Жорж Бомпар с дерожной сумкой вошел в ту же гостиницу и снял номер, к нему тотчас же явилась Селина. Два часа спустя Бомпар был смертельно ранен ударом ножа в спину, добрался до двери и позвал на помощь. Девушка пыталась исчезнуть. Вышли дневные газеты. На первой странице — фотография Селины, до того искаженная ее гримасничаньем, что девушку невозможно было узнать.

Мегрэ продолжал допрос:

— Скажите, мне, малышка, вот что. Когда Бомпар заговорил с вами на той улице Монмартре, названная которой вы забыли, у него уже был в руках чемоданчик!

— Нет!

— Вы заходили в два ночных клуба. У него по-прежнему не было чемоданчика! Однако, когда он вошел в гостиницу, чемоданчик у него уже был.

— Мы забрали его в небольшом ночном бистро около площади Пигаль, где Бомпар оставил саквоаж на хранение.

— В номере он его открыл в вашем присутствии!

— Нет... Да... Не помню...

— Откуда он вынул билет в тысячу франков!

— Из своего бумажника.

— Бумажник, когда мы его нашли, был совершенно пуст. Значит, Бомпар отдал вам все, что имел при себе, оставив лишь немного мелочи, чтобы оплатить номер на следующее утро!

— Это меня не касалось.

Она отвечала без запинки и была логична даже в своей непоследовательности. Что сделать, чтобы привести ее в замешательство! Попытаться ее шантажировать! И Мегрэ решился на это. Он принял самый добропорядочный вид.

— Вы не считаете, что мы оба становимся смешными! С одной стороны, я пытаюсь добиться, чтобы вы сказали, что убили Бомпара, тогда, как возможно, вы его вовсе не убивали. С другой стороны, вы упрямитесь, доказывая, что ничего не знаете, когда наверняка знаете что-то...

— Значит, преимущество за мной, — заметила девушка.

— Пока да! Только оно скоро кончится: звонил Люка, у него серьезные улики против вас. С часу на час ситуация изменится, и... Давайте рассуждать спокойно. Остановите меня, если я ошибусь. Начнем с бесспорного факта: Бомпар был убит ударом ножа. Маловероятно, чтобы у вас в сумочке был нож такого размера... Вряд ли также он мог валяться на столе... Ящик в туалете, где с другими инструментами мог бы находиться нож, был закрыт...

— Я никогда этого не утверждала!

— Допустим! Закрыт или открыт — не так уж важно... Но факт, что женщины вашей комплекции редко рискнет играть с ножом... Если бы у вас было намерение убить неверного возлюбленного или циничного соблазпителя, вы, естественно, предпочли бы яд, в худшем случае, револьвер... Следовательно, не вы убили Бомпара... Значит, можно предположить, что кто-то вошел в номер, когда вы находились там!

Девушка встала и прижалась лбом к окну. На Париж, залитый дождем, опускались сумерки.

— Затем, если бы из номера вы ушли спокойно, после объяснений, для которых мне нет дела, то маловероятно, чтобы вы забыли один чулок у ножки кровати. Это, во-первых, а, во-вторых, Бомпар умер от удара ножом в спину, значит, или он был чем-то занят и не видел преступника, или видел, но не опасался его. Вот куда ведет ваше умозаключение. Теперь я хочу дать совет в ваших же интересах: начинайте говорить прав-

ду как можно скорее. Вы хотите заставить меня поверить, что занимаетесь проституцией!

Если бы вы меня убедили, — рассуждал он спокойно, — то я бы подумал, что у вас есть любовник, один из тех дружков, которых называют другим словом. Этот любовник, увидев, что вы входите в гостиницу с богатым по виду мужчиной, мог бы захотеть его ограбить... Вы следите за тем, что я говорю! И, наконец, вы понимаете, что в ваших интересах честно и без обиняков сказать мне, что вы действительно видели...

Н АСТУПИЛО долгое молчание. Девушка по-прежнему смотрела в окно. Мегрэ без большой надежды ожидал ее реакции. Наконец она повернулась к нему лицом, совершенно бледная.

— Это все!

Казалось, она была побеждена, сидела, глядя в пол, опустив руки на колени. Мегрэ не осмеливался даже пошевелиться.

Наконец Селина встряхнулась, вынула из пачки папиросу и зажгла ее привычным жестом.

— У вас нелепая профессия! — констатировала она.

Мегрэ был обескуражен. Девушка менялась каждую секунду. Сейчас она говорила с такой же развязностью, как и утром, подражая бывалой проститутке.

— Вы всегда так ведете свои допросы!

Мегрэ не сердился, он был взволнован, так как почувствовал, что она сдерживает тревогу и отчаяние, которые вот-вот сломят барьер ее воли.

— Послушайте, Селина...

— Меня зовут не Селина!

— Я знаю.

— Вы ничего не знаете! И не узнаете ничего! А теперь отправьте меня в тюрьму, если это вас позабавит. Дайте интервью журналистам, которые напишут о девушке, не желающей назвать свое имя.

— Что вы делали в Бордо!

— Когда! — воскликнула она, вздрогнув.

— Совсем недавно.

Селина вздохнула. Она очень устала:

— Я больше не могу. Отправьте меня в тюрьму. Я хотя бы смогу там выспаться.

— Для этого надо рассказать...

— Шантаж!

Мегрэ смутился, пробормотал:

— Да нет же, дурочка! Неужели вы не понимаете, что я все делаю ради вас! Как только вы покинете этот кабинет, то станете обвиняемой и ваше будущее будет зависеть только от прокуратуры. Вы видели, чтобы я что-то записывал за вами! Чтобы я составлял протокол допроса!

Она следила за ним с любопытством.

— Поймите же, пока вы здесь...

Мегрэ не закончил. Он и так сказал слишком много и едва сдерживал себя, чтобы не побить ее, как непослушную девчонку.

— Хотите, чтобы мы все начали сначала и чтобы я вам доказал, что ваша система поведения себя не оправдывает!

— Я это знаю!

— И поэтому!

— Иногда невозможно поступить иначе. Я действительно больше не могу. Если бы вы мне позволили лечь на пол, я бы поспала.

Раздался телефонный звонок. Мегрэ повернулся спиной к девушке, которая легла на пол и закрыла глаза.

— Алло! Ты все еще занят! Пришел электромонтер, он спрашивает, надо ли устанавливать электричество в сарае...

Мадам Мегрэ звонила издали, из Мента на Луаре, где заново отремонтированный домик ждал комиссара через двое суток.

— Какая погода! — спросил он.

— Сухо... Сильный ветер...

В Париже по-прежнему шел дождь. Мегрэ захотелось, чтобы ветер с Луары разогнал нездоровую, напряженную, раздражающую атмосферу его кабинета.

Прижав трубку к уху, Мегрэ тяжело смотрел на загадочное существо, которое пыталось его победить с невероятной энергией, на которую способны далеко не все женщины.

— Да, я тебя слушаю, — продолжал Мегрэ.

— Я могу с тобой поговорить еще минуту! Электромонтер спрашивает, надо ли прикрепить колокольчик у входной двери! Мне кажется, что достаточно одного молотка...

— Черт возьми!

Но это его «черт возьми» относилось не к входной двери и тем более не к колокольчику. Мегрэ спешил положить трубку и заняться другим. Он отвечал неопределенно:

— Да... Хорошо... Делай как хочешь...

До свидания, дорогая...

Слова «дорогая» было достаточно, чтобы девушка посмотрела на него с любопытством: женщина остается женщиной в любой ситуации.

Уф! Мегрэ почувствовал облегчение. Ему казалось, что он нашел выход после долгой ходьбы по кругу. К нему возвратилась его способность рассуждать. Мешало то, что он слишком долго находился с этой малышкой в духоте своего кабинета.

— Алло! Люка вернулся! Пусть он сейчас же поднимется ко мне. Да, со всеми протоколами по делу «Полярной звезды».

Мегрэ сделал несколько глотков пива, подошел к окну и приоткрыл его, не смотря на дождь.

— Только на минуту, чтобы проветрить, — извинился он.

Конечно, он еще не нашел убийцу Жоржа Бомпара, и мысль, которая пришла ему в голову, не содержала ничего сенсационного, но она вывела его из заколдованного круга. Дело в том, что когда было совершено преступление, на первом этаже находился ночной портень. Без его помощи выйти из гостиницы невозможно. Портень же утверждал, что никому не открывал дверь и не покидал своего поста. А на втором этаже стоял хозяин, который надевал брюки. Он

бросился на второй этаж, как только услышал крики о помощи.

Значит, если предположить, что девушка не убивала... И если предположить, что она присутствовала при драме и молчала по какой-то важной причине... Вошел Люка с пачкой бумаг в руке.

— Входи! Садись! У тебя есть показания этого пертье!

И комиссар прочел вполголоса: «Жозеф Дюфье родился в Муассаке... Услышал крик о помощи с третьего этажа почти одновременно с шагами хозяина на лестнице... Я позвонил сразу в полицию, затем позвал полицейского, который стоял на несту перед гостиницей...»

Мегрэ специально продолжал расследование в присутствии девушки. По крайней мере, она насторожилась и начала проявлять некоторое беспокойство.

— Ты опросил всех жильцов, Люка!

— Вот протоколы. Я уверен, что никто из них не знал жертву и, следовательно, не имел повода убивать.

— А хозяин! Он откуда!

— Из Тулузы.

Все пока оставалось неясным, но что-то начинало вырисовываться. Мегрэ шагал взад и вперед, с трубкой в зубах, заложив руки за спину.

— Следи за моими рассуждениями, Люка! Предположим, мадемуазель не убивала Бомпара. Далее... Согласно твоим расследованиям, ни один из постояльцев не мог быть убийцей. А два человека утверждают, что никто не выходил из гостиницы. Эти двое — Дюфье, ночной портье, и хозяин... Кто-то из них мог знать Бомпара раньше и свести с ним старые счеты! Да, мог...

— Но это не Дюфье, — продолжал Мегрэ, — так как Бомпар видел его при входе и спокойно отдал ему свою карточку. Портье мог элементарно рассчитаться с ним раньше.

Мегрэ искоса взглянул на девушку и отметил, что она облегченно перевела дух.

Комиссар тяжело опустился на стул. Он понял, что эта версия никуда не ведет.

— Попроси, чтобы мне принесли попить, Люка... А вы что выпьете, малышка!

— Кофе.

Мегрэ зло посмотрел на нее. Ну вот, под занавес, в конце карьеры, придется отдать девушку в руки правосудия, заявив: «Я не знаю, виновата она или не виновата. Я говорил с ней в течение двенадцати часов, но, к сожалению, без результата...»

Люка знал, что в таких случаях лучше всего не мешать Мегрэ, и, заказав две кружки пива и кофе, неподвижно сидел в углу.

— Ты понимаешь, старина! Есть человек, к которому я постоянно вынужден возвращаться: это ночной портье. Только он знал, что Бомпар был в гостинице. Он мог видеть, как выходил убийца... Подожди!

В дверь постучали. Мегрэ взвыл:

— Нет! Меня нет! Ни для кого!

Он чувствовал, как к нему возвращается прежняя форма.

— Список жильцов, быстро! Ты ска-

зал, что парень был из Муассака, а хозяин из Тулузы! Посмотрим постояльцев: Лондон... Амьен... Компьень... Марсель... Ни одного из Муассака, ни одного из Тулузы...

Мегрэ не сводил глаз с девушки. Едва он произнес эти слова, как увидел, что лицо ее изменилось, она не смогла скрыть испуг.

— Ты видишь, куда я веду, Люка! Бомпар, заведя интрижку, как это часто делал, судя по обнаруженным у него фотографиям, остановился в гостинице напротив Северного вокзала... Кто-то его узнал. Этот кто-то имел причины его ненавидеть... Наша малышка все знает и молчит, придумывает разную белиберду, лишь бы скрыть правду...

Он мечтательно повторил:

— Муассак! Тулуза! И английский костюм от фирмы Бордо... Все рядом.

Мегрэ снял телефонную трубку, передал ее Люке:

— Вызови издателя фирмы, в которой работал Бомпар. Пусть он скажет, куда ездил его агент в последний раз...

В такие минуты казалось, что Мегрэ становился выше ростом. Он как будто говорил: «Когда вы меня увидели, то воображали, что я не так уж хитер, как полагают. Добрый телстак, не так ли! К тому же, человек чувствительный, который часто сердится, нервничает! Погоди же, малышка!»

— Бомпар, вероятнее всего, провел последние три месяца на юго-западе, — сообщил Люка, кладя трубку.

М

Мегрэ глотком опустошил свою кружку, помешал угли в камине и заговорил с Люкой таким неожиданным тоном, что девушка не смогла сдержать улыбку:

— Можешь мне сказать, что я был совершеннейшим идиотом!

— Но, комиссар...

— Лакеи и горничные... Ты их опрашивал!

— Да.

— У тебя есть их имена!

— Прежде всего, Берта Мартино, двенадцать лет.

— Откуда!

— Я ищу... Вот... из Компьеня.

— Другая!

— Люсьенна Жуффруа, сорок пять лет, из... Муассака!

Люка с восхищением взглянул на комиссара.

— Теперь ты понял! Быстро прыгай в такси!

Расслабившись, Мегрэ рассматривал фотографии, лежащие у него на столе. Все любовницы Бомпара были молодыми девушками и даже совсем юными.

— Кто это! — добродушно спрашивал он у своей унции, показывая ей очередное фото.

— Среди них есть портрет Люсьенны Жуффруа!

Они оба страшно хотели спать.

— Пока ничего не могу сказать! — с усилием выдохнула Селина.

— Почему! Вы ждете, когда придет эта женщина! Признайтесь, что вы из Муассака!

— Я буду говорить!

— Почему не сразу!

— Потому!

— Знаете, что я сделал бы, если бы у меня была такая дочь, как вы! Я бы шлепал ее время от времени, чтобы научить жить! Держу пари, что вы начали с того, что коллекционировали фотографии артистов кино. Нет! Тогда вы прочли слишком много романов.

— Я занималась музыкой...

Мегрэ уверенно подтвердил:

— Это одно и то же. И вот вы встретили Жоржа Бомпара... Что меня удивляет, так это то, что вы пришли в восторг от торгового агента!

Она снова поправила:

— Он мне сказал, что он композитор. Он прекрасно играл на фортепьяно!

Между ними установилась та любопытная близость, которая чаще, чем думают, возникает между обвинителем и обвиняемым. В кабинете было душно и жарко. Слышались приглушенные телефонные звонки, разговоры, шаги в соседних кабинетах.

— Вы его любили!

Она не ответила.

— Вы его любили. Это очевидно. Я спрашиваю себя: он ли вас увел за собой, или вы сами за ним побежали!

— Я сама, ну и что!

Мегрэ понял: произошла обычная, банальная история, которая часто создает самые сложные и запутанные с виду дела.

Обычный коммивояжер, юбочник, приобретает в глазах экзальтированных провинциалок романтический облик, выдавая себя за великого композитора.

— В Париж вас привез Бомпар!

— Я сама приехала.

— Он дал вам свой адрес!

— Нет! Он окружил себя тайной... Но при этом сказал, что посещает некоторые кафе на бульваре Сэн-Жермен. Там я его и встретила... Он просил меня пожить несколько дней в гостинице, пока не закончит свои дела.

Утром, когда Мегрэ впервые увидел девушку, она показала ему обычной искательницей приключений, и комиссар было поверил ей, так хорошо она разыграла эту комедию. В течение дня он видел в ней то наивного ребенка, то женщину, — подавленную, злую и обескураженную.

— Вы знали портье гостиницы Дюфье!

— Я буду говорить, когда вернется ваш помощник.

— Итак, вы думаете, что Люсьенна Жуффруа уехала!

— Я ничего об этом не знаю... Я ужасно устала. Не могли бы вы попросить еще кофе для меня!

Мегрэ позвонил официанту. Немного спустя ему передали новую информацию по телефону:

— Что! Что ты говоришь! Тем хуже, старина! Этого следовало ожидать... Ну да, надо запросить на всех границах... Дать приметы...

Комиссар повернулся к девушке.

— Звонит Люка. Люсьенна Жуффруа покинула гостиницу утром, никого не предупредив.

Он добавил в трубку:

— Возвращайся немедленно... Да...

Они оба, комиссар и девушка, были на пределе. Прошло минут пятнадцать. Наконец появился Люка.

— Я должен был подумать об этом утром, патрон... Но сегодня утром и я этого не подозревал! Я привел портье.

Тот вошел с понурым видом.

— Каковы ваши отношения с Люсьенной Жуффруа?
— Это моя невестка.

— Садитесь. Не бойтесь ничего, но честно отвечайте на мои вопросы. У вашей невестки была дочь!

— Да, Розина.
— Что с ней стало?
— Умерла.
— От чего!

Молчание. Мегрэ настаивал.

— Что явилось причиной смерти Розины!

Селина прошептала, повернувшись к сторожу:

— Вы можете говорить Жозеф.

— Ей пришлось сделать аборт. Ей было шестнадцать лет...

— Это произошло в Муассаке!

— Да три года тому назад.

— А Жорж Бомпар был в это время там!

— Да, все вышло из-за него. Когда Розина сообщила ему, что беременна, он отвел ее к акушерке.

— Минутку, Дюфье! Я полагаю, что ваша невестка приехала в Париж после этих печальных событий, и вы ее устроили горничной в «Полярную звезду»!

Дюфье утвердительно кивнул головой.

— Сегодня ночью вы увидели в этой гостинице девушку, которую вы знаете, девушку из хорошей семьи из Муассака.

— Мадемуазель Бланшон, — прошептал сторож.

— Дочь судьи Бланшона!

Дюфье испуганно повернулся к девушке, которая четко произнесла:

— Женевиэва Бланшон. Да, господин комиссар. Мой отец ничего не знает. Только вчера утром я выехала из Муассака.

— Минутку! Итак, Дюфье, вы были очень удивлены, увидев эту девушку, но еще больше удивились при виде Бомпара.

— Да, господин комиссар.

— Потом поднялись на седьмой этаж, чтобы предупредить вашу невестку..

Мегрэ обернулся к Люка:

— Люсьена Жуффруа даже не пыталась пересечь границу. Она бродила по Парижу и только что пришла в комиссариат, где во всем призналась... О вас она ничего не сказала. Она заявила, что застала Бомпара с проституткой...

— Что теперь!

— Я думаю, она будет оправдана...

— А я!

— Вы! — Мегрэ дал выход своему слишком долго сдерживаемому желанию и отвесил пощечину девушке.

— Идите!

— Куда!

— Не ваше дело!

Мегрэ заставил ее пройти по коридорам, и они очутились в мрачном дворе судебной полиции.

— Эй! Такси!

Заставив девушку сесть в машину, комиссар про бурчал как бы для самого себя:

— Отведи портье в свой кабинет.

Комиссар предпочитал остаться с девушкой один на один. Она больше не хвятилась.

— Люсьенна Жуффруа вошла в номер, когда вы были там!

— Да.

— Вы знали, что ее дочь была любовницей Бомпара!

— Да.

— И что он отвел ее к акушерке!

— Да.

— И несмотря на все это, ехали к нему в Париж!

Она ответила, опустив голову:

— Я его любила. Он меня уверил, что Розина имела других любовников.

Раздался телефонный звонок. Мегрэ отвечал ворчливо:

— Да! Хорошо! Тем хуже для нее! Конечно!

— В машине две дверцы... предположим, что в туголоке кто-то выйдет через одну из них...

Затем он замолчал. Такси ехало по улице Риволи. Девушка не шевелилась.

— Ну же! — проворчал Мегрэ. — Вы перестали соображать, а!

— Я хочу спать, — вздохнула она.

— Ну и что! Потом поспите... Я вас предупреждаю, что если через минуту...

Она приоткрыла дверцу, заколебалась, комиссар в ярости прерывал:

— Вон, черт побери, дуручка!

Шофер обернулся и увидел только одного пассажира, с трубкой, который, улыбувшись, попросил его:

— Поезжайте к хорошей пивной! Я ужасно хочу пить.

Пер. Э. Водонос.

Ричард Блад в Измерении Икс

ГЕРОИЧЕСКАЯ фантастика — практически неизвестная массовому отечественному читателю, является разновидностью НФ. Не останавливаясь на ее детальном анализе, отметим, что к этой разновидности относятся как развлекательные романы типа циклов о Тарзане или Конане Варваре, так и более серьезные произведения — например, «Властелин света» и «Двенадцать принцев Эмбера» Р. Желязны. Элементы героической фантастики прослеживаются в циклах Герберта о Дюне, Сильверберга о Маджилуре, серии «Звездные войны» и в классической трилогии Толкина «Властелин колец». Типичные произведения, созданные в жанре героической фантастики, содержат описания захватывающих приключений непобедимого супермена, сражающегося с людьми, чудовищами, инопланетянами, богами, дьяволами во всех мыслимых вселенных всеми видами оружия — от меча до бластера, от автомата до телепатии и колдовства. В силу указанных выше способностей, героическая фантастика очень популярна в англоязычных странах, очень «киногигиична», но также очень трансформируется в бульварную литературу.

Сериял «Ричард Блад» Дж. Лорда является типичным произведением, относящимся к жанру героической фантастики. По своим художественным достоинствам романы Лорда находятся на среднем уровне. Они рассчитаны на массового читателя; это — добротная развлекательная литература. Именно добротность является наиболее привлекательной особенностью сериала. Автор в одинаковой степени серьезно и подробно описывает картины природы, эротические сцены, эпизоды сражений, душевный мир своего героя. В рамках выбранной логической схемы Лорд не допускает никаких проколов; сконструированный им мир условен, коллизии — примитивны, но каждое действие, каждая ситуация четко обусловлены, сюжетные нити завязаны в тугой клубок, в котором нет оборванных концов.

Сериал включает около двух десятков романов. Последний выпуск, прочитанный автором настоящего обзора, имел уже семнадцатый номер, и, судя по всему, Лорд способен написать еще столько же.

Каждый роман сериала содержит, как правило, 180 — 200 страниц, в нем 15 — 20 глав. Любопытна логика построения романов Лорда.

К примеру, профессор Лейтгон, гениальный английский кибернетик, способный перемещать человека в иные измерения. Эти измерения представляют собой землеподобные миры; их совокупность обозначается в романах сериала как Измерение Икс — в отличие от Земного Измерения. Компьютер может перенести в Измерение Икс только человека — и без каких-либо орудий, оружия или одежды. При обратном перемещении в Земное Измерение, которое также совершает компьютер, человек может прихватить с собой что-нибудь материальное, но неодушевленное. Не надо задаваться вопросом, почему так происходит: это — одна из особенностей, принятая Лордом.

В итоге человек оказывается в Измерении Икс голым и беззащитным, а миры этого измерения далеко небезопасны. Они населены кровожадными средневековыми воинами, пиратами, амазонками, дикарями, чудовищами и инопланетными пришельцами. Совершенно очевидно, что выжить в любом из таких миров может только супермен. Единственным суперменом в Англии, способным совершить подобные путешествия, оказался сотрудник отдела МИБ британский разведчик Ричард Блад. Он в меру интеллигентен, красив, умен, владеет всеми видами оружия [от меча, лука и копья до автомата], является мастером рукопашного боя, обладает огромной силой, ловкостью и выносливостью. Семнадцать выпусков сериала посвящены путешествиям Блада в семнадцать миров Измерения Икс. Они охватывают примерно десятилетний период жиз-

ни героя; в первом романе Бладу немного за тридцать, а в семнадцатом — около сорока.

Кроме Блада и профессора Лейтгона, постоянными персонажами романов являются также руководитель отдела МИБ (обозначаемый инициалами Джи [J]) и премьер-министр Великобритании. Джи — матерый старый разведчик, непосредственный начальник Блада, питающий к нему отеческие чувства. Вместе с Лейтгоном руководитель отдела МИБ провожает Блада в каждое из его путешествий и встречает по возвращении. Премьер-министр является условной фигурой, подчеркивающей важность миссии Блада и проекта «Измерение Икс» в целом. Только эти четверо человека посвящены в тайну проекта.

Каждый роман сериала построен в рамках жесткой схемы. В одной из двух первых глав действие происходит в современном Лондоне; здесь описывается подготовка Блада к очередному путешествию и излагаются причины, делающие путешествие необходимым.

Последняя глава каждого выпуска посвящена возвращению Блада с победой в Земное Измерение. В основной части романа, расположенной между первыми и последней «земными» главами, описываются приключения Блада в одном из миров Измерения Икс.

В каждом романе имеется три-четыре зрелищные сцены и около десяти батальных эпизодов. И то, и другое описано очень реалистично, с подробной проработкой деталей, но без смакования жестокости или сексуальных моментов. Блад — идеальный герой; он нежен и добр к женщинам, он не любит чрезмерного кровопролития, он великодушен к поверженным противникам.

По-видимому, Лорд сознательно вводит в свои романы некоторые условные элементы и строит на них определенную «традицию сериала». Так, каждый роман начинается со слов «Ричард Блад» — «Ричард Блад не просматривал в это утро «Лондон таймс»...», «Ричард Блад не обращал внимания на...», «Ричард Блад сказал...» и так далее. Первое человеческое существо, которое Блад встречает в любом из миров Измерения Икс — это молодая и красивая женщина (девушка), которая рано или поздно становится его любовницей. Наконец, само имя героя Блад — напоминает о другом знаменитом литературном персонаже — благородном капитане Блэде из романов Сабатини.

Как отмечалось выше, Джеффри Лорд обладает несомненным писательским мастерством и добротной проработкой деталей. Приведем в качестве примера описание одного из многочисленных сражений, которое Бладу пришлось выдержать во время семнадцатого путешествия («Горы Бреги»):

«Блад врезался в ряды врагов. Воины стояли плотно, и места, чтобы размахнуться и нанести удар, почти не оставалось. Когда он приблизился к Рильгону на длину копья, умирающий солдат, пошатываясь, навалился на него и толкнул в левое плечо. И в этот момент Рильгон взмахнул длинным мечом, рукоять которого была изукрашена драгоценностями. Блад едва успел поднять свое оружие, чтобы защититься от нацеленного в голову удара; однако конец вражеского меча рассек кожу на его правом виске. Блад ощутил резкую боль, кровь залила щеку. Почти конвульсивным движением руки он отбросил прочь умирающего воина. Затем ударил кинжалом, целясь под нижний край щита Рильгона. Блад почувствовал, как лезвие вошло в плоть; Рильгон оскалил зубы и тяжело выдохнул воздух.

Рильгон снова высоко занес длинный клинок, пытаясь ударить сверху вниз, — и опять Блад отбил удар. Лязг стали о сталь наполовину оглушил его. Блад направил свой меч вперед и начал быстро вращать его, готовый поразить то плечо, то грудь или живот врага. С помощью такого

Героическая фантастика

приема он надеялся заставить Рильгона приоткрыться.

И это ему удалось. Было очевидно, что Рильгон не встречался раньше с подобной тактикой. Он широко размахивал щитом, пытаясь поймать удар Блада, Меч Блада зазвенел, ударившись о левый край щита его противника; Рильгон поднял щит, прикрывая голову, — и в этот момент кинжал Блада по самую рукоятку вошел в его незащищенный правый бок.

Рильгон судорожно захрипел, закрутился на месте, хватая ртом воздух. Его щит дрогнул и упал на землю. Колени Рильгона подогнулись, он откинулся назад и снова начал хрипеть и кашлять. Сгустки крови вылетали из его рта; кинжал Блада по-прежнему торчал у него между ребрами. Блад вскинул свой клинок и с силой нанес последний удар. Лезвие меча рассекло шею Рильгона, как будто это была тонкая лозинка. Острубленная голова упала к ногам Блада. Победитель насадил ее на острие меча и высоко поднял в воздух.

Он сделал глубокий вздох и заревел:

— Люди Рильгона! Ваш вождь мертв! Теперь это ждет вас — всех вас!

Жесткая сцена! Безусловно. Но она написана реалистически и подробно. Когда у Лорда сражаются люди, слышен запах крови и пота.

Чтобы читатель мог представить фабулу, динамику повествования, типичные сюжетные коллизии, сделаем краткий пересказ одной из книг сериала под названием «Бронзовый топор».

...Блад оказывается на побережье моря, в области, где расположено несколько средневековых королевств народа альбов. В лесу он встречает прекрасную юную девушку — принцессу Талин, дочь короля Вота Северного. Ее захватила (как заложницу) жестокая королева Беата. Девушка просит Блада доставить ее в ближайшую дружественную страну, которой правил ее двоюродный брат, король Ликант.

Блад и Талин бегут в лес, спасаясь от воинов Беаты. Наступает ночь: они оказываются на поляне, на которой совершают человеческие жертвоприношения члены религиозного ордена Дру. Орден включает только женщин (владеющих колдовской властью), и перед ним трепещут повелители всех прибрежных стран. Блад наблюдает, как молодая женщина исключительной красоты — глава ордена — убивает мечом жертву. Несмотря на жестокость этой сцены, он ощущает эротическую тягу к прекрасной жрице.

После некоторых приключений Блад и Талин добираются до Сарум Вила — столицы короля Ликанта. Король не слишком гостеприимен; Талин отводит в женские покои, а Блада сажают под замок. Город Сарум Вил полон вооруженных людей. Великий морской разбойник Геторикс Краснобородый в очередной раз тревожит королев альбов. Военачальники Ликанта подозревают, что неожиданно свалившийся в их страну Блад является шпионом Геторикса.

Блада вызывают на допрос на совет военачальников. Он обещает Ликанту разгромить Геторикса, если ему доверят командование войском Сарум Вила. Но это предложение вызывает только насмешки, и Блад бросает вызов сильнейшему воину в армии Ликанта — Ярлу Хорсу. Ярл — великий мастер боя на топорах. В отчаянном поединке Блад убивает Хорса и, в качестве приза, захватывает его оружие (чудовищный бронзовый топор) и все имущество. Топоры — законы альбов, напоминающие обычаи викингов.

Но Блад не собирается сразиться за короля Ликанта, который глуп, слаб и ведет себя подозрительно. Ночью он выкрадывает Талин и бежит с ней из Сарум Вила. Девушка охотно идет с ним, так как, во-первых, ее чуть было не отравила жена Ликанта — королева Альвис, и, во-вторых, ее симпатия к Бладу возрастает с каждым часом.

Блад и девушка решают направиться прямо в королевство Вота Северного. Но по дороге они попадают в засаду и оказываются пленниками королевы Беаты. Королева — женщина зрелого возраста, красоту которой подкрепляет искусство ее массажисток. Талин почти наверняка грозит гибелью; что касается Блада, видного мужчины, то королева решает его испытать. Результаты проведенного ночью испытания вызывают восторг у Беаты. Однако открывшаяся перед Бладом карьера королевского фаворита прерывается

ся — отряды Геторикса Краснобородого захватывают замок Беаты.

Блад в очередной раз выкрадывает Талин и пытается скрыться, но это ему не удается. Выход один — снискать уважение пиратов, которые ценят только силу и жестокость. Блад представляется Геториксу принцем Лондонским, из далеких земель, великим воином, и предлагает испытать себя. Следует серия поединков, в ходе которых Блад убивает своим топором несколько лучших бойцов Геторикса. Восхищенный пират назначает его командиром одного из своих отрядов.

Но Блада не удовлетворяют достигнутые успехи, он метит на место самого Геторикса. Проблема, однако, заключается в том, что Краснобородый — феноменально сильный человек. Блад вызывает его на поединок, надеясь на свой топор, но Геторикс предпочитает рукопашную схватку. Противники бьются голыми руками перед всем пиратским воинством, и Бладу приходится туго, несмотря на знание приемов каратэ. Наконец он находит выход — выдирает из рыжей бороды Геторикса длинную прядь волос и, используя ее, как веревку, душит пирата.

Следует сваря; одни разбойники — за Блада, другие желают предложить свои кандидатуры на место предводителя разбойников. В результате выяснения отношений побеждают сторонники Блада, но его самого серьезно ранят. Он теряет сознание.

Блад приходит в себя в каюте флагманского корабля. Флот пиратов под его предводительством (и временно — под командой его преданного помощника) плывет навстречу новым подвигам. На корабле находится также Талин, но ее к раненому Бладу не допускают. Не пираты препятствуют в этом юной принцессе, а жрица Друзилла — глава ордена Дру, женщина, о которой Блад мечтает с тех пор, как увидел ее в лесу. Блад покорил Друзиллу, и она лично взялась за его лечение. В одну из ночей (когда Блад уже почти выздоровел) Друзилла занимается с ним любовью.

Однако Друзилла погибает. В одну из бурных ночей ревнивая Талин столкнула ее за борт и принялась сама, без помех, лечить Блада. Он быстро окреп и велел вести флот в королевство Вота Северного. Цель — самая благородная — доставить наконец Талин к отцу. После некоторых приключений Блад с принцессой прибывают в замок Вота, который явно готов предоставить принцу Лондонскому должность зятя. Блада укладывают в роскошную спальню и ночью, тайком, к нему впервые приходит Талин, забыв свою девичью гордость. Затем Джеффри Лорд на нескольких страницах подробно описывает, как настоящий мужчина должен вести себя с девушкой. Эти страницы читаются буквально как пособие для новобрачных и содержат художественное описание психологических и физиологических моментов, представление о которых, возможно, было бы весьма полезно нашей сексуально неграмотной молодежи.

Первое путешествие Блада заканчивается на комичной ноте. В момент очередного экстаза в объятиях Талин компьютер извлекает его в Земное Измерение. И хотя «Бронзовый топор» нельзя отнести к серьезным произведениям, любой читатель ощутит в этот момент жалость к бедной принцессе — как там она, в своем Измерении Икс, в средневековой Альбе, останется одна, без могучего и любимого Блада! Кто защитит ее от пиратов, разбойных рыцарей, жриц Дру и другой нечисти!

* * *

Общее эмоциональное впечатление от сериала можно выразить кратко: читать интересно. Интерес определяется не столько художественными достоинствами произведений Лорда, сколько их необычностью для нашего читателя. К сожалению, ничего подобного в отечественной ИФ литературе не существует. В то же время жанр героической фантастики, благородный, без эротических моментов, является благодатной целной, в которую еще не опускался плуг — то бишь перо — наших писателей фантастов. Может быть, только Ефремов слегка коснулся этой целины — в своей «Танс Афинской», в «Лезвие бритвы» и «На краю Ойкумены».

АВРАМ ДЭВИДСОН

БУЛЫЖНИКИ САРАТОГА-СТРИТ

«БУЛЫЖНИКИ Саратога-стрит будут скрыты», — гласил газетный заголовок. Мисс Луиза подняла брови, вставила в глаза монокль [вероятно, последний в мире, какой еще оставался в употреблении], прочла заметку, передала газету сестре. Мисс Огэста прочтала ее без очков, с совершенно непроницаемым лицом и возвратила.

— Не будут, — сказала она.

Сестры взглянули на выцветшую фотографию в серебряной рамке, стоящую на каминной полке, потом друг на друга. Мисс Луиза положила газету рядом с словянным кувшином для шоколада, позвонила в маленький колокольчик. Мгновение спустя в комнату вошел седой слуга-мулат.

— Кэрразерс, — обратилась к нему мисс Огэста, — мы позавтракали, можете убрать со стола.

— А по-моему, это возмутительно! — сердито бросила Бетти Линкхорн.

— Детка, — мягко возразил ей дед и отпил глоток чаю. — прогресс остановить нельзя.

— Прогресс, скажете тоже! Да во всем городе это единственная улица с хорошей мостовой. Уж тебе-то, папа, это известно! И вот только потому, что там булыжники, а не асфальт, не гудрон и не...

— Дочка, — перебил ее Эдвард Линкхорн, — еще помню те дни, когда мостовые у нас в городе были деревянные. Помню очень ясно, потому что, несмотря на запрет отца, как-то в теплый летний денек пошел гулять босиком и занозил пятку. Мама вытаскала занозу иголкой, а отец меня выдрал... И потом: ты не находишь, что по булыжникам довольно трудно ходить в туфлях на высоком каблучке?

Бетти улыбнулась — отнюдь не примирительно.

— Не нахожу. А вот миссис Харрисон находит — впрочем, если бы ее выдрали за то, что бегала босиком... Да что там, папа, — сердито продолжала девушка [дед между тем хранил дипломатическое молчание], — признаемся честно: не подвери миссис Харрисон ногу, и не будь она женой подрядчика, и не будь его компаньон председателем местной организации правящей партии штата, которая хозяйничает тут везде, — и в городе, и в округе, и во всем штате вот уже двадцать лет...

Мистер Линкхорн неторопливо намазывал медом кусочек поджаренного хлеба:

— «Будь желанья наши скакунами горячими, каждый индий давно бы наездником стал»...

— Ну и что же тут плохого!

— «И весь мир бы в гордыню безмерную впал».

— Ладно, дочка, посмотрю, что тут можно предпринять.

Мэр давал интервью представителю печати:

— Ну, что там дальше! Когда в тюрьме будут новые нужники! Так вот, если б это хулиганье, уголовники эти не совершали преступлений, то не угодили бы в тюрьму, так! Ну, что там дальше! Булыжники Саратога-стрит! Булыжники! Опять эта история с булыжниками, будь они прокляты! Можно подумать, это не булыжники, а бриллианты или еще что. Так вот. Слушай, друг, все булыжники в городе были скрыты, еще когда я мальчонкой бегал, винт и штопор! Осталась только Саратога-стрит. А все ее жители, они где-то в прошлом застряли, ты меня понимаешь! У каждого перед домом — газовый фонарь, нет, только подумать, а! Коновязи,

тумбы — а! Винт и штопор! Что они себе воображают — мы живем в век лошадок и кабриолетов, что ли! Так вот, парк там у них обнесен высоченным забором — ну ладно: частная собственность. Но улицы принадлежат муниципалитету, ясно! Кто-нибудь сломает себе ногу о такой вот булыжник, а муниципалитет — плати денежки, да! Так вот, насчет булыжников. Они будут скрыты, и никаких разговоров.

Высказывания мэра были напечатаны в местной газете [издатель ее очень хорошо знал, кто платит за всякие официальные объявления] в весьма пригласительном виде: «Никто так не чтит традиции и старину, как я, но булыжное покрытие на Саратога-стрит попросту опасно, и оставлять его нельзя. Вместо булыжной мостовой там будет гладкая и удобная асфальтовая, более отвечающая нуждам времени».

Словом, как сказал мэр: «Ну, что там дальше!»

А дальше посыпались протесты от обществ охраны старины — и городского общества, и окружного, и общества штата, но все они были втиснуты в коротенькие сообщения по две-три строки и напечатаны на последней полосе, среди объявлений... Общественный интерес к булыжной эпохее все возрастал, чему способствовали заметки в центральной печати. «Аристократия полезла на баррикады», — писала одна из столичных газет; «Двадцатый век вступает в схватку с традициями Саратога-стрит», — вторила ей другая; «Любимые горожанами булыжники обречены! Историческая Саратога-стрит вскоре будет стерта с лица земли!» — жалобно восклицала третья. Вот в таком духе. А еще в таком:

Мистер Эдвард Линкхорн: Не хотите ли, джентльмены, выпить чего-нибудь! Мы очень польщены, что такой крупный иллюстрированный журнал уделяет нам столько места.

Корреспондент: Ну вы-то понимаете, материал забирает за живое. Не надо столько содовой, Сэм.

Фоторепортер: Послушайте, мистер Линкхорн, можно задать вам один вопрос!

Линкхорн: Конечно.

Фоторепортер: Ну так вот, я обратил внимание, что на Саратога-стрит в каждом окне плакатик: «Спасем булыжную мостовую!». Во всех домах, кроме одного. В чем тут дело! Его хозяева — против булыжников, что ли!

Линкхорн: Видите ли, джентльмены, дом этот, двадцать пятый номер, принадлежит барышням де Грэй, дочерям знаменитого генерала де Грэй, героя Гражданской войны. У нас есть площадь его имени, и там ему поставлен памятник. Есть и улица его имени.

Корреспондент: Неужели его дочери еще живы! Какие они из себя!

Линкхорн: Ни разу не удостоился чести их видеть. Вот уже много десятилетий их не видел ни один человек в городе.

Но это было не совсем так: их постоянно видел Кэрразерс... Кстати, он тоже читал газеты!

— Дались им эти несчастные булыжники! Чем они мешают! — спрашивал он себя, а однажды даже позволил себе постучать пальцем по газете — точнее, по очередной статье, где обсуждалась булыжная эпопея, и вопросительно взглянул на хозяек.

— Не посмеют, — уронила мисс Огэста.

— К чему эти лишние разговоры! — назмурилась мисс Луиза.

— Газеты больше пишут о сестрах де Грэй, чем о булыжниках, — удивилась Бетти Линкхорн.

— Но люди действительно важнее булыжников, — возразил ей дед. — Впрочем, называть их дом «таинственным убежищем» — тут газетчики, пожалуй, перехватили. Просто эти дамы ни с кем не желают общаться, вот и все.

Бетти хмыкнула и уткнулась в газету.

— Дед, выходит, что из тех, кому доводилось видеть сестер де Грэй, не осталось в живых никого, кроме их дворецкого. Слушай, а может, они давным-давно умерли, а! Может, старик Кэрразерс покрыв их воском и каждый день смегает с них пыль метелкой из перьев!

Мистер Линкхорн сказал, что вряд ли.

Но вот наступил день, когда булыжники Саратога-стрит должны были быть скрыты. К восьми утра единственный квартал этой улицы заполнился толпой. Падал мягкий снежок. Трещали камеры телевидения и кинохроники, комментаторы, держа перед собой микрофоны, скороговоркой вели репортажи. На углу Саратога-стрит остановились грузовики департамента общественных работ, и из них стали выпрыгивать рабочие с отбойными молотками.

В восемь часов одну минуту дверь дома двадцать пять по Саратога-стрит распахнулась. Толпа разглядывала грузовики и потому заметила это не сразу. Но вот кто-то крикнул:

— Смотрите!

И все разом обернулись.

Первым вышел Кэрразерс, очень прямой и важный, держа в руках какие-то предметы, о назначении которых поначалу трудно было догадаться. Толпа расступилась перед ним. Сперва он раскатал довольно потертую, но еще сохранившую красный цвет ковровую дорожку. Потом расставил два складных стула. Затем застыл в ожидании.

Из двери вышла мисс Луиза де Грэй, за ней — мисс Огэста. Молча прошествовали они сквозь безмолвную толпу, молча опустились на складные стулья: мисс Луиза — лицом к югу, мисс Огэста — лицом к северу.

Кэрразерс развернул два флага и стал по стойке смирно — в одной руке полосатое знамя с тридцатью шестью звездочками, в другой — знамя армии штата Теннесси.

Не менее пятидесяти миллионов телезрителей, затаив дыхание, смотрели, как мисс Луиза вытаскила отцовскую саблю из ножен и положила ее к себе на колени, а мисс Огэста поставила отцовский мушкет, зарядила его и протолкнула заряд шомполом.

Всех троих медленно засыпало снегом, но и Кэрразерс, и обе дамы словно застыли.

В девять двадцать семь на место происшествия прибыл личный представитель мэра, известный тем, что произносил речи без бумажки, и сам мэр считал это чем-то вроде колдовства.

— Вот тут у меня, — громко провозгласил он, показывая толпе какой-то листок, — заявление господина мэра; его честь сообщает о своем намерении созвать заседание муниципалитета с единственной целью: превратить Саратога-стрит в частное владение. А уж тогда, если кто-нибудь получит из-за этих булыжников телесное повреждение, муниципалитет не будет нести никакой ответственности.

В толпе засвистели, заулюлюкали, но представитель мэра широко улыбнулся и, сообщив, что муниципалитет свято чтит традиции, обратился к девицам де Грэй: не будут ли они так любезны уйти домой, а то как бы им не простудиться.

Ни одна, ни другая не шелохнулись. Но личный представитель мэра недаром достиг таких административных высот.

— Ну что же, ребята, — повернулся он к рабочим, — тут вам делать нечего. Гоните обратно в гараж. И можете считать этот день свободным.

Под ликующие возгласы толпы грузовики укатили. Мисс Луиза вложила саблю в ножны, мисс Огэста разрядила мушкет в воздух, личный представитель мэра учтиво поклонился [жест этот был навеки запечатлен двадцатью кино- и телекамерами]. Девицы де Грэй разом поднялись со стульев. Их окружила пресса, но они прошли сквозь кольцо репортеров, словно их тут и не было, и прошествовали к дому. Мисс Луиза, державшая саблю перед собой, заметила в толпе Бетти и ее деда. Она внимательно его оглядела.

— Ваши черты мне как будто знакомы, — проговорила она, — Что скажешь, Огэста!

— Действительно, — подтвердила мисс Огэста. — Помогите, вы сыннишка Уилли Линкхорна, не так ли?

Мистер Линкхорн, которому уже стукнуло семьдесят, молча кивнул.

— В таком случае, не зайдете ли к нам! Барышня тоже пусть зайдет. А вы, люди добрые, — она остановилась у двери и оглядела толпу, — расходитесь по домам да выйдите хорошую порцию горячего пунша с мускатным орехом.

И под одобрительные возгласы сограждан захлопнула дверь.

— Кэрразерс, подайте, пожалуйста, портвейну, — распорядилась мисс Луиза. — Малыш, — обратилась она к седовло-сому Линкхорну, — хотите знать, что заставило нас нарушить уединение, в котором мы пребывали шестьдесят лет, и устроить публичную демонстрацию, столь несвойственную нашей натуре!

Мистер Линкхорн растерянно заморгал:

— М... м... м... — полагаю — верность традициям Саратога-стрит, воплощением которых стали для вас булыжники.

— Чепуха! — оборвала его мисс Огэста. — Нам наплевать на традиции Саратога-стрит. А что до булыжников, так пропади они пропадом — от них такой ужасный грохот!

— Тогда в чем же...

Взмахом руки сестры показали на выцветшую фотографию в серебряной рамке, стоявшую на каминной полке. Она изображала молодого человека, с лихо закрученными усами, в военной форме конца минувшего столетия.

— Хорейс Уайт, — проговорили они разом.

— Он ухаживал за нами обеими, — пояснила старшая, — но ни за что не желал сказать, которой отдает предпочтение. Из-за него я отказала Руперту Робертсу и Мори Стоуну. Сестра отвергла Джимми Тейлора и Уильяма Сноу. Уходя на Испанскую войну,* Хорейс подарил нам эту фотографию и обещал сделать выбор, когда вернется. Мы его ждали.

Кэрразерс внес чашу с горячим портвейном и тут же вышел.

Рассказ продолжила младшая сестра:

— Когда он вернулся, мы спросили его, на ком же он остановил свой выбор. Он улыбнулся и объявил, что передумал: ни на одной из нас он жениться не намерен. Улицу как раз собирались мостить булыжником, она была взрыта. Там мы его и похоронили — в десяти шагах от газового фонаря и в пятнадцать от водоразборной колонки. Там он лежит и по сей день, под этими гнусными булыжниками — от них такой ужасный грохот! Быть может, на смертном одре я смогу простить оскорбление, которое он нанес мне, — но оскорбления, которое он нанес моей дорогой сестре, не прошу никогда.

И мисс Луиза эхом повторила:

— Оскорбление, которое он нанес мне, — я, может быть, и могла бы простить — на смертном одре, но оскорбления, которое он нанес моей дорогой сестре, не прошу никогда.

И она разлила дымящееся вино по четырем стаканам.

— Значит, вы... — начал было мистер Линкхорн, — то есть вы хотите сказать...

— Вот именно. Я связала ему руки, а сестра, мисс Луиза, выстрелила изменнику в сердце из отцовского мушкета. У отца сон был крепкий, и он ничего не услышал.

— Вот это да! — выдохнула Бетти.

— Я уверена — вы никому не скажете ни слова. А то ужасная бы получилась неловкость... Да, он был негодяй, этот Хорейс Уайт, но, признаюсь вам: кажется, я люблю его до сих пор.

— Я тоже, — сказала Луиза. — Я тоже.

Они подняли стаканы:

— Помянем Хорейса Уайта.

Как ни нуждался мистер Линкхорн в подкреплении, он едва пригубил вино; но девицы — все три — дружно опорожнили свои стаканы.

* Испано-американская война 1898 года.

ДВЕСТИ СОРОК МУДРЕЦОВ

В одной далекой стране жил да был Глупый-преглупый король. Был он настолько глуп, что богатое некогда королевство довел своими указами до нищеты. И войско, которое Глупый король каждую весну гонял на войну, всякий раз возвращалось из похода разбитым, а короли-соседи отнимали у Глупого правителя город за городом. И долго бы еще не знать тому государству мира и изобилия, не появись в нем...

1
...один очень умный человек, который за свои умные советы вскоре стал Первым Министром королевства.

Жизнь в несчастной стране мало-помалу пошла на лад. Жители воспрянули духом, раскинули умом и убедились, что мудрее Первого Министра им нигде не сыскать. Тогда они поручили ему править державой, а незадачливого короля заточили в темницу.

Стал Первый Министр править королевством и издавать указы один мудрее другого. Богато и весело зажили его подданные, храброе войско каждую осень возвращалось с победой, и вскоре еще вчера слабое королевство раскинуло свои границы от моря до моря. Короли-соседи боялись мудрого Первого Министра. Его купцов и посланников встречали с почетом, и везде и всюду все, у кого имелись головы на плечах, безмерно завидовали подданным Первого Министра.

И был этот Первый Министр настолько мудр, что все он мог решить один, и никто в королевстве не мог придумать ничего более разумного, нежели он. А потому Первый Министр вскоре отстранил всех Тайных и Действительных советников и перестал кого-либо слушать. И после этого он стал издавать указы еще мудрее прежних, ибо сам, без переписчиков, где надо, ставил точки, а где надо — многоточия.

Однако подданным быстро надоело, что мудрее всех мудрый Первый Министр. Долго думали те, которые раньше были Действительными или просто Тайными советниками, и придумали: заточили они мудрого Министра в темницу. А на престол вновь посадили Глупого короля. Народу же пояснили, что Первый Министр в своем уме дошел до безумия.

И вновь королевство стало приходить в упадок от глупых указов короля. Но подданные больше не призвали на помощь мудрого (теперь безумного) Первого Министра. Ибо Тайные и Действительные советники открыли народу глаза: ведь при Глупом короле даже самый мало-мальски неглупый человек чувствовал себя мудрым Первым Министром по сравнению с Глупым королем. Эта очевидная истина многим пришла по душе, и чернь верноподданнейше просила помазанника божия держать у темницы безумца надежную охрану.

И была выставлена стража; семеро умных день и ночь играли в карты, а восьмой, дурак, в карты играть не умел, а потому коротал время, слушая бредни опального министра. И это не пошло ему на пользу: он...

2
...поумнел и стал давать королю дельные советы. Король слушал умного бывшего дурака, и держава вновь стала богаче и возвращать утраченные земли. Поля тучнели, подданные сытнели, а подданный тюремщик был возведен в должность Первого Министра.

Безбедная жизнь притупила бдительность, и недалевидные подданные увидели, что мудрее и справедливее мудрого Первого Министра им нигде не сыскать. А потому народ поручил ему править державой, а незадачливого короля...

(Далее текст обрывается, главы 3—240 отсутствуют).

СОДЕРЖАНИЕ

В плену Паланген Евгений Наумов	1
Век изобретений Норман Спинрад	11
У камина Николай Гумилев	12
Комикс «Человек-паук» Художник И. Кожевников, текст И. Ермакова	13
Мегрэ и девушка Жорж Сименон	21
Ричард Блад в Измерении Икс Михаил Нахмансон	28
Бульжники Саратога-стрит Аврам Дэвидсон	30
Двести сорок мудрецов Сергей Булыга	32

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» при Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт».

Над одиннадцатым выпуском «ПиФа» работали:
И. Кузовлев, М. Пудовкин, С. Казанцев, С. Гаврилова,
Л. Иокитуллино, Е. Соловых, М. Козловский,
О. Аржажников, Г. Ходжаев.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1990 — 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,42.
Зак. № 850. Тираж 110000 экз. Цена 70 коп.
Подписано к печати 12.VII.90.

Средне-Уральское книжное издательство и журнал
«Уральский следопыт».
Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. Декабристов, 67.

822-10-74